

Годъ 1.

1907.

ОТКЛЮЧКИ
НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— **И** —

ЕГО ДОСУГИ.

№ 9.

Сентябрь

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГА

Редакторъ-издатель А. Ѳ. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ

П О Л О Ж Е Н І Е

о попечительствахъ при начальныхъ училищахъ.

(Высочайше утвержденное 26 марта 1907 года)

1. При начальныхъ училищахъ всѣхъ наименованій могутъ учреждаться попечительства, на которыя возлагаются заботы о благоустройствѣ училищъ и объ улучшеніи положенія учащихся и учащихъ въ нихъ. По желанію населенія, для нѣсколькихъ училищъ можетъ быть учреждено одно общее попечительство.

2. Открытіе попечительствъ при начальныхъ училищахъ разрѣшается, по ходатайству содержателей училищъ, мѣстнымъ уѣзднымъ или городскимъ училищнымъ совѣтомъ.

3. Въ составъ попечительствъ входятъ: попечитель или попечительница училища (почетный блюститель или блюстительница), законоучитель, учитель или учительница, завѣдывающіе училищемъ, представитель отъ земства или города и выборныя лица отъ мѣстнаго населенія избираются на три года.

4. Попечительства пользуются правомъ предложенія содержателямъ училищъ кандидатовъ на должности попечителей или попечительницъ (почетныхъ блюстителей или блю-

стительницъ) и учащихъ лицъ въ училища, находящіяся на ихъ попеченіи.

5. Попечительства должны заботиться о томъ, чтобы всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста данной мѣстности представлена была возможность учиться въ школѣ. Въ сихъ цѣляхъ попечительства могутъ устраивать помѣщенія для ночлега учениковъ, доставлять подводы для тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ на далекомъ разстояніи отъ училища, снабжать неимущихъ учениковъ одеждою, обувью, пропитаніемъ и т. п.

6. Попечительства входятъ въ ближайшее разсмотрѣніе хозяйственныхъ нуждъ школы, составляютъ предположенія и изыскиваютъ средства для ихъ удовлетворенія, а также заботятся о наиболѣе хозяйственномъ производствѣ расходовъ по содержанію школы.

7. При изысканіи средствъ на предметъ удовлетворенія училищныхъ нуждъ попечительства имѣютъ право: а) принимать пожертвованія деньгами, учебными пособіями, книгами, одеждою и другими, соотвѣтствующими цѣлямъ попечительства, предметами и б) устраивать, съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія, концерты и публичныя чтенія.

8. Попечительства собираются въ устанавливаемые ими самими сроки, а также, по мѣрѣ надобности, по приглашенію предсѣдателя, которымъ состоитъ попечитель или попечительница (почетный блюститель или блюстительница), въ случаѣ ихъ отсутствія—учитель или учительница, завѣдывающе училищемъ. Для дѣйствительности постановленій необходимо присутствіе въ засѣданіи не менѣе половины числа членовъ. Дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, при чемъ голосъ предсѣдателя, при равенствѣ голосовъ, даетъ перевѣсъ. Въ попечительствахъ для нѣсколькихъ училищъ предсѣдатель избирается самими попечительствами изъ числа попечителей или попечительницъ (почетныхъ блюстителей или блюстительницъ) тѣхъ училищъ, для которыхъ учреждены эти попечительства.

9. Попечительства входятъ по дѣламъ училищъ въ сношеніе какъ съ содержателями, такъ и съ непосредственнымъ начальствомъ училищъ.

10. Годовые отчеты о дѣятельности попечительствъ пред-

ставляются ими мѣстному уѣздному или городскому училищному совѣту и содержателямъ училищъ.

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(12-го мая 1907 года, № 30). По С.-Петербургскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ: Новгородской губерніи, **Карамлинъ**—съ 1-го марта 1903 г., Олонецкой губерніи, **Николаевскій**—съ 1-го августа 1902 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора низшаго химико-техническаго училища въ С.-Петербургѣ, **Корчагинъ**—съ 31-го іюля 1906 г.; преподаватель того же училища **Ляховъ**—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя городскихъ училищъ: Никольскаго, Вологодской губерніи, **Лукинъ**—съ 1-го іюля 1905 г., Новгородскаго, **Самойловъ**—съ 15-го октября 1906 г., Устюженскаго, Новгородской губерніи, **Крыловъ**—съ 1-го декабря 1899 г. и Крестецкаго, Новгородской губерніи, **Шукшинъ**—съ 15-го октября 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: учителя городскихъ училищъ: Яренскаго, Вологодской губерніи, **Русиновскій-Нущаго**—съ 1-го іюля 1905 г., Бѣлозерскаго, Новгородской губерніи, **Новиковъ**—съ 22-го октября 1897 г., Демянскаго, Новгородской губерніи, **Тетеринъ**—съ 1-го іюля 1906 г., Старорусскаго, Новгородской губерніи, **Кочергинъ**—съ 1-го іюля 1906 г., Тихвинскаго, Новгородской губерніи, **Венедиктовъ**—съ 1-го іюля 1906 г.; завѣдующій Шухободской низшей ремесленной школой, Новгородской губерніи, **Горній**—съ 1-го января 1905 г. и руководитель работъ Петрозаводскаго ремесленного училища **Федоровичъ**—съ 11-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Мало-Вишерскаго городского училища, Новгородской губерніи, **Веревкинъ**—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель двухклассной имени Комнисарова-Костромскаго школы въ С.-Петербургѣ **Артѣевъ**—съ 9-го іюня 1906 г.; помощникъ учителя Мало-Вишерскаго

городскаго училища, Новгородской губернии, **Плосневъ**—съ 1-го января 1905 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель Тихвинскаго приходскаго училища, Новгородской губернии, **Горбачевъ**— съ 1-го ноября 1905 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *титularнаго совѣтника*, преподаватель и руководитель работъ Петрозаводскаго ремесленнаго училища, губернской секретарь **Мурашовъ**—съ 1-го августа 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: Вельскаго, Вологодской губернии, **Зиминъ**—съ 1-го іюля 1902 г., Бологовскаго, Новгородской губернии, **Стрѣлковъ**—съ 1-го іюля 1900 г., Тихвинскаго, Новгородской губернии, **Никитинъ**—съ 1-го іюня 1902 г., Каргопольскаго, Олонецкой губернии, **Топринъ** (онъ же Мионовъ)—съ 1-го іюля 1902 г., С.-Петербургскаго Казанскаго, **Разумовъ**—съ 1-го іюля 1902 г., **Софроповъ** (онъ же Герасимовъ)—съ 1-го іюня 1902 г., С.-Петербургскаго Никольскаго (сверхштатный), **Кротовъ**—съ 1-го іюня 1902 г., Павловскаго, **Громовъ**—съ 1-го іюля 1899 г., Ораніенбаумскаго, **Григорьевъ**—съ 1-го іюля 1900 г.; *коллежскаго регистратора*: помощникъ учителя Пековского городскаго училища **Кудрявцевъ**—съ 1-го августа 1902 г.

(19-го мая 1907 года, № 32). По Рижскому учебному округу. **ПРОИЗВОДЯТСЯ**, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: врачъ Юрьевскаго четырехкласснаго городскаго училища **Кенгесъ**—съ 15-го октября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учителя городскихъ училищъ: Венденскаго трехкласснаго: **Иванинъ**—съ 20-го ноября 1906 г., **Соосте**—съ 1-го августа 1906 г. и сверхштатный **Тэтс**—съ 15-го сентября 1906 г., Рижскаго четырехкласснаго Императрицы Екатерины II, **Озолинъ**—съ 1-го мая 1906 г., Якобштадскаго трехкласснаго, **Макаровъ**—съ 3-го іюля 1906 г.; врачи трехклассныхъ городскихъ училищъ: Рижскаго Петропавловскаго, **Гаудеръ**—съ 21-го августа 1904 г. и Якобштадскаго **Гуревичъ**—съ 1-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титularные совѣтники*: учитель-инспекторъ Лемзальскаго трехкласснаго городскаго училища **Чебурахинъ**—съ 1-го сентября 1902 г. и учитель Рижскаго Петропавловскаго трехкласснаго городскаго училища, **Федюшинъ**—съ 22-го августа 1904 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: врачъ Рижскаго трехкласснаго городского училища **Блюменталь**—съ 1-го сентября 1902 г., по степени доктора медицины; *коллежскаго секретаря*, учитель Рижскаго трехкласснаго городского училища **Ашманъ**—съ 20-го августа 1902 г.

(26-го мая 1907 года, № 36). НАЗНАЧАЕТСЯ причисленный къ министерству, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ **Михалевскій**—директоромъ Нижегородскаго Владимирскаго реальнаго училища и состоящаго при немъ средняго механико-техническаго училища.

ПРОИЗВОДИТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, дѣлопроизводитель VII класса управленія пенсiонной кассы народныхъ учителей и учительницъ **Смирновъ**—съ 21-го марта 1907 г.

По Виленскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи **Вируля**—съ 30-го августа 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губерніи **Никифоровскій**—съ 9-го октября 1904 г.; штатный врачъ Полоцкаго еврейскаго начальнаго училища **Именитовъ**—съ 12-го сентября 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя-инспекторы училищъ: Вилкомирскаго городского, **Трусъ**—съ 1-го августа 1905 г., Юганишкельскаго сельско-хозяйственнаго, **Чукмасовъ**—съ 23-го сентября 1903 г. и Витебскаго 1-го городского училища, **Рублевскій**—съ 16-го ноября 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель-инспекторъ Лепельскаго городского училища **Садовскій**—съ 1-го августа 1901 г.; завѣдывающій Двинской низшей ремесленной школой **Ивановъ**—съ 9-го февраля 1901 г.; штатный врачъ Тельшевскаго еврейскаго начальнаго училища **Браудо**—съ 28-го мая 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: старшій учитель Будславскаго приходскаго училища **Зубецъ**—съ 1-го августа 1901 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, инспекторъ народныхъ училищъ Гродненской губерніи **Самойловичъ**—съ 1-го іюля 1902 г.; *титу-*

лярнаго совѣтника, штатный врачъ Слонимскаго начальнаго еврейскаго училища **Розенблитъ**—съ 16-го февраля 1898 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: учитель Бѣльскаго городскаго училища **Муравьевъ**—съ 1-го августа 1902 г.; бывший учитель Кобринскаго городскаго училища **Добрынинъ** (Юсько)—съ 1-го августа 1902 г.

Распоряженія министерства народнаго просвѣщенія.

(2 мая 1907 г. за № 9358). **Объ отлѣнѣ свидѣтельствъ на льготу 3-го разряда по воинской повинности.**

ВЫСОЧАЙШИМЪ повелѣніемъ 26-го апрѣля 1906 г. установлены новые сроки дѣйствительной службы въ сухопутныхъ войскахъ, причемъ лицамъ, имѣющимъ свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, не предоставляется никакихъ льготъ на сокращенный срокъ службы. Въ виду сего министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ, признало подлежащими отлѣнѣ утвержденныя 16-го ноября 1885 г. правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ соответственно образованію воспользоваться льготою при отбываніи воинской повинности.

Сообщая объ изложенномъ вашему превосходительству, для надлежащихъ распоряженій, считаю долгомъ объяснить, что въ выдаваемыхъ свидѣтельствахъ объ окончаніи курса начальныхъ училищъ должно быть исключено указаніе о правѣ на льготу по воинской повинности. Что же касается самыхъ экзаменовъ оканчивающимъ курсъ начальныхъ училищъ для провѣрки достигнутыхъ ими въ училищѣ знаній, то они должны производиться на прежнихъ основаніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду необходимости изданія на будущее время особыхъ для сего правилъ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить ваши соображенія по настоящему предмету, запросивъ по этому вопросу директоромъ народныхъ училищъ и училищные совѣты, гдѣ они имѣются

(16 мая 1907 г. за № 10228). **О порядкѣ открытія общеобразовательныхъ курсовъ для учителей и учительницъ народныхъ училищъ.**

По ходатайствамъ земскихъ и общественныхъ учреждений министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшалось, примѣнительно къ утвержденнымъ имъ 5-го августа 1875 г. правиламъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ народныхъ училищъ, устройство общеобразовательныхъ курсовъ, въ видахъ необходимости сообщенія учащимъ въ означенныхъ училищахъ свѣдѣній, которыя могли бы расширить кругъ общихъ ихъ познаній.

Въ настоящее время, при дѣйствіи Высочайше утвержденныхъ 4-го марта 1906 г. временныхъ правилъ о собранияхъ, министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, признало, что означенные общеобразовательные курсы для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ, устраиваемые не въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, открываются на основаніи закона 4-го марта 1906 г. о собранияхъ, также какъ публичныя чтенія и лекціи. Въ случаѣ же, если такіе общеобразовательные курсы для учащихся устраиваются при учебныхъ заведеніяхъ, къ нимъ должны быть примѣняемы правила 5-го августа 1875 г., остающіяся въ силѣ и нынѣ по отношенію къ педагогическимъ курсамъ для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство для соотвѣтственныхъ распоряженій.

Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Орси, Піетро*. Современная Италия. Исторія послѣднихъ 150 лѣтъ до вступленія на престолъ Виктора Эмануэла III. Переводъ съ итальянскаго *О. Шенрокъ*. (Подъ ред. *Г. Форс-*

мена). Издавъ В. Березовскій. С.-Пб. 1907. Стр. 4+353. Цѣна 2 р. 25 коп.“

— „**Портретная галлерей замѣчательныхъ русскихъ людей** ¹⁾. Серія III, 12 портретовъ русскихъ писателей. Изданіе К. А. Филера. М. Цѣна 6 р.“ (также допустить къ приобрѣтенію въ низшія учебныя заведенія для вывѣшиванія на стѣнахъ классныхъ комнатъ).

— „**Сиповскій, В.** Пушкинъ. Жизнь и творчество. Изданіе бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1907. Стр. XXV+618. Цѣна 3 р. 50 коп.“

— „**Хвостовъ, Михаилъ.** Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта. (Ислѣдованія по исторіи обмѣна въ эпоху эллинистическихъ монархій и Римской имперіи. I). Казань. 1907. Стр. XXVII+479. Цѣна 2 р. 50 коп.“

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „**Беллярминовъ, И.** Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Изд. 34-е. С.-Пб. 1906. Стр. 362+1 карта. Цѣна 1 рубль.“ (для городскихъ, по положенію 1872 г., училищъ).

— „**Лубенецъ, Т.** Краткая русская грамматика. Кіевъ 1907. Стр. 20. Цѣна 5 коп.“

— „**Лубенецъ, Т.** Письменные самостоятельныя работы въ начальной школѣ. Изд. П. В. Луковникова. Годъ 1-й. 2-е изд., испр. С.-Пб. 1905. Стр. 16. Цѣна 4 коп.—Годъ 2-й. 2-е изд., испр. С.-Пб. 1905. Стр. 32. Цѣна 7 коп.—Годъ 3-й. С.-Пб. 1906. Стр. 48. Цѣна 9 коп.“

¹⁾ Ученымъ комитетомъ признана заслуживающей особой рекомендаціи.

— „*Цунзеръ, И. И.* Диктантъ-первинка. Сборникъ систематически расположенныхъ диктантовъ на первоначальныя правила правописанія. Для учениковъ начальныхъ училищъ. (Серія учебниковъ для начинающихъ. № 3). С.-Пб. 1907. Стр. 34. Цѣна 7 коп.“

— „*Шельцель, К. Э.* Книга для чтенія. Часть 1-я. 2-е изд., Е. П. Распопова. Одесса. 1907. Стр. 144. Цѣна 45 коп.“ (для инородч. учил.).

— „*Яковлевъ, И. В.* Грамматическія упражненія для инородческихъ школъ. Изд. И. С. Михеева. Казань. 1906. Часть 1-я. Стр. 68. Цѣна 18 коп.—Часть 2-я. Стр. 41. Цѣна 12 коп.“ (для нач. инородч. учил.).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Адамовъ, П.* Руководство къ веденію сочиненій. Изд. 2-е, испр. и доп., Ф. И. Трескиной. Рига. 1906. Стр. 194+74. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Вахтеровъ, В. П.* Планы и конспекты уроковъ при обученіи письму-чтенію по „Русскому букварю“ автора. Изд. 3-е. М. 1907. Стр. 68. Цѣна 20 коп.“ (для нач. нар. учил.).

— „*Климентовъ, А.* Методика преподаванія родного языка. Θεодосія. 1906. Стр. IV+200. Цѣна 1 р.“

— „Краткій музыкально-пѣвческій словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. С.-Пб. 1907. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Моррисонъ, Джемсъ.* Какъ построить географическую карту и какъ ею пользоваться. Съ англ. перевелъ *Дм. Ройтманъ.* Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Книги для соврем. школъ). М. 1907. Стр. 127. Цѣна 50 коп.“

— „*Яковлевъ, И. В.* Грамматическія упражненія для инородческихъ школъ. Руководство для учащихся. Изд. И. С. Михеева. Казань. 1906. Стр. 83. Цѣна 40 коп.“ (для нач. инородч. учил.).

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Абаза, К. К.* „Бѣлый“ генераль (Акъ-паша) Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Издалъ В. Березовскій. (Солдатская бібліотека. № 337). С.-Пб. Стр. 46. Цѣна 11 коп.“

— „*Андерсенъ.* Избранныя сказки. Переводъ *М. А. Лялиной.* 2-е испр. изд., В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 272. Цѣна 1 р.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи было обращено вниманіе на болѣе тщательный переводъ, а также и на корректуру).

— „*Арсеньева, С. Д.* 1) Богомъ и народомъ избранный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. 12-е февраля 1612 года. Стр. 25. Цѣна 6 коп.—2) Осада Пскова. 1615—1616 гг. Стр. 15. Цѣна 4 коп.—3) Путешествіе въ Европу. 1697—1698 г. Стр. 17. Цѣна 5 коп.—4) Орлиное гнѣздо. 1 мая 1703 года. Стр. 26. Цѣна 6 коп.—5) Ночь на Вевѣ. Съ 6-го на 7-е мая 1703 года. Стр. 13. Цѣна 4 коп. (Солдатская библіотека. №№ 332—336. Изд. В. А. Березовскаго. С.-Пб.).“

— „*Богдановъ, М. Н.* За чужимъ горбомъ. Зоологическіе очерки. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 71. Цѣна 20 коп.“

— „*Богдановъ, М. Н.* Изъ русской природы. Жозефъ Реми. Колоушка. Два очерка. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Богдановъ, М. Н.* Изъ русской природы. Пасхальное яичко. Разказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 24. Цѣна 10 коп.“

— „*Васильковскій, А.* 1) Домой захотѣлось. Разказъ изъ жизни новобранца. Стр. 23. Цѣна 6 коп.—2) Глаза завидушіе. Стр. 20. Цѣна 5 коп.—3) Писарь Ткаченко. Быль. Стр. 23. Цѣна 6 коп.—4) Братья-соколята. Разказъ изъ жизни забайкальскихъ казаковъ. Стр. 25. Цѣна 7 коп.—5) Служба и дружба. Разказъ. Стр. 21. Цѣна 6 коп.—6) Кто лучше. Изъ солдатской жизни. Стр. 22. Цѣна 6 коп.—7) Смерть рядового Василя Рябова. Быль изъ русско-японской войны. Стр. 13. Цѣна 4 коп. (Солдатская библіот. Изд. В. А. Березовскаго. С.-Пб. 1904. №№ 321, 325—327, 339).“

— „*фонъ-Горнъ, В. О.* Въ странѣ алмазовъ. (Діамантна). Разказъ. Переводъ *Г. А. Чарусскаго*. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 104. Цѣна 35 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи было обращено вниманіе на болѣе тщательный переводъ, а также и на корректуру).

— „*фонъ-Горнъ, В. О.* Китоловъ. Какъ онъ сдѣлался китоловомъ и что при этомъ узналъ и пережить. Разказъ. Переводъ *Г. А. Чарусскаго*. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 112. Цѣна 35 коп.“

— „*фонъ-Горнъ, В. О.* Отважная перуанка. Историч. разказъ. Переводъ *Г. А. Чарусскаго*. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 96. Цѣна 35 коп.“ (съ тѣмъ чтобы при слѣдующемъ изданіи было обращено вниманіе на болѣе тщательный переводъ, а также и на корректуру).

— „*фонъ-Горизъ, В. О.* Преданный негръ. Историч. разсказъ. Переводъ *Г. А. Чарускаго*. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 112. Цѣна 35 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи было обращено вниманіе на болѣе тщательный переводъ, а также и на корректуру).

— „*Гобманъ, Францъ.* Материнская любовь. Разсказъ. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи было обращено вниманіе на болѣе тщательный переводъ, а также и на корректуру).

— „*Гриммъ, бр. Золотой гусь.* Изд. 2-е, М. В. Клюкина. (Библиот. сказокъ). М. 1906. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“

— „*Дилевская, Н.* Черноморскія степи. (Геогр. комиссія при учебн. отд. общ. распр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 127+1 карта. Цѣна 40 коп.“

— „*Добрынинъ, Л., и Ѳ. Бьлугинъ.* Прикаспійскія степи. (Астраханская губ. и Уральская область). (Геогр. комиссія при учебн. отд. общ. распр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 172+1 карта. Цѣна 40 коп.

— „*Донской, А.* 1) Красный пѣтухъ (Изъ жизни на войнѣ). Стр. 15. Цѣна 4 коп.—2) Вѣщій сонъ. (Изъ жизни на войнѣ). Стр. 15. Цѣна 4 коп.—3) Материнское благословеніе. (Изъ жизни на войнѣ). Стр. 22. Цѣна 6 коп. (Солдатская библиот. Изд. В. А. Березовскаго. С.-Пб. 1905. №№ 329—331).“

— „*Дрожжинъ, С. Д.* Стихотворенія. 1866—1888. 3-е, значит. испр. и доп. изд. М. 1907. Стр. 533. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Кольцовъ, А. В.* Стихотворенія. Подъ ред. *П. В. Быкова*. 3-е изд., К. И. Тихомирова. М. 1907. Стр. 148. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Лезинъ, А.* Финляндія (Геогр. комиссія при учебн. отд. общ. распр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 150+1 карта. Цѣна 45 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Оедька рудокопъ. Повѣсть. 5-е изд. (Библиот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 152. Цѣна 50 коп.“

— „*Нельова, А. Н.* Для ума и сердца. Разсказы. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 263. Цѣна 1 р. 15 коп.“

— „Общедоступные разсказы изъ русской исторіи. Изд.

2-е, доп. и перераб., книжного склада «Школьное и библиотечное дѣло». С.-Пб. 1905. Стр. 128. Цѣна 30 коп.“ (для гор. одск. учил.).

— „*Пинчукъ, В.* Севастополецъ. Разсказъ. Издаде В. Березовскій. (Солдатская библиот. № 328). С.-Пб. 1904. Стр. 48. Цѣна 12 коп.“

— „*Позняковъ, Н.* Каня. (Воскресный разсказъ). Изд. А. С. Панафидиной. М. 1907. Стр. 23. Цѣна 5 коп.“

— „*Хитрова, Т. Л.* Ураль. (Геогр. комиссія учебн. отд. общ. распр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 142+1 р. та. Цѣна 40 коп.“

— „*Шмидтъ, П. Ю.* Жизнь въ волнахъ моря. Очеркъ. Издательство О. Н. Поповой. (Изъ жизни природы и чело- вѣка. № 67). С.-Пб. 1906. Стр. 40. Цѣна 6 коп.“

— „*Шмидтъ, П. Ю.* Жизнь въ прѣсныхъ водахъ. Издательство О. Н. Поповой. (Изъ жизни природы и чело- вѣка. № 68). С.-Пб. 1906. Стр. 40. Цѣна 6 коп.“

— „*Шмидтъ, П. Ю.* Тайны невидимаго міра. Очеркъ. Издательство Н. О. Поповой. (Изъ жизни природы и чело- вѣка. № 93). С.-Пб. 1906. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Книгу: *Штейнауеръ, И. С.* Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Изд. 14-е, испр., Н. П. Карбасникова. С.-Пб. 1907. Стр. IV +126+3 карты. Цѣна 45 коп.“—не допускать къ употребленію въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія (въ виду того, что цѣлый рядъ изданій ея остался безъ тщательной переработки, поставленной автору какъ условіе для допущенія его книги).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессионально-

ному образованію, утвержденными министерствомъ, постановлено:

— 1) „Журналъ Физикъ-любитель. Томъ II. 1905—6 академическій годъ“—признать заслуживающимъ вниманія педагогическихъ совѣтовъ при пополненіи ученическихъ библиотекъ какъ техническихъ, такъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній, и 2) Книгу *И. П. Смылова*: „Детальныя расцѣнки ремонта паровозныхъ котловъ различныхъ серій желѣзно-дорожными мастерскими и ремонта паровозныхъ котловъ нормальнаго типа (компаундъ) заводскимъ способомъ. Подъ редакціей *С. П. Лизогуба*. Луганскъ 1906 г.“—признать заслуживающей допущенія въ библіотеки тѣхъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній, въ курсъ коихъ входитъ изученіе паровозныхъ котловъ.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— „*Абаза, К. К.* „Бѣлый“ генераль (Акъ-паша) Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Издалъ В. Березовскій. (Солдатская библиот. № 337). С.-Пб. Стр. 46. Цѣна 11 коп.“

— „*Арсеньева, С. Д.* 1) Богомъ и народомъ избранный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. 12-е февраля 1613 года. Стр. 25. Цѣна 6 коп.—2) Осада Пскова. 1615—1616 гг. Стр. 15. Цѣна 4 коп.—3) Путешествіе въ Европу. 1697—1698 г. Стр. 17. Цѣна 5 коп.—4) Орлиное гнѣздо. 1 мая 1703 года. Стр. 26. Цѣна 6 коп.—5) Ночь на Невѣ. Съ 6-го на 7-е мая 1703 года. Стр. 13. Цѣна 4 коп. (Солдатская библіотека №№ 332—336. Изд. В. А. Березовскаго. С.-Пб.).“

— „*Вагнеръ, Ю. Н.* Разказы о томъ, какъ устроено и работаетъ наше тѣло. Изд. „Посредника“. № 544. М. 1906. Стр. 88. Цѣна 20 коп.“

— „*Васильковский, А.* 1) Смерть рядового Василя Рябова. Быль изъ русско-японской войны. Стр. 13. Цѣна 4 коп.—2) Тетка Арина и ея приемышь. (Деревенская быль). Стр. 21. Цѣна 6 коп. (Солдатская библіотека №№ 339—340 изд. В. А. Березовскаго. С.-Пб.).“

— „*Вишняковъ, Н.* Права русскаго народа по манифестамъ 6-го августа, 17-го октября 1905 г. и прочимъ законамъ 1905 и 1906 годовъ. Изд. 4-е перераб. и доп. (по 15-е ноября 1906). Издавъ В. Березовскій. С.-Пб. 1907. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“

— „*Гребницкій, А. С.* Уходъ за плодовымъ садомъ. Практическое руководство для садовниковъ и любителей плодоводства. 3-е, просмотр. и значит. доп. изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1906. Стр. 443. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Дрожжинъ, С. Д.* Стихотворенія. 1866—1888. 3-е, значит. испр. и доп. изд., М. 1907. Стр. 533. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Елачичъ, Евгений.* О происхожденіи домашнихъ животныхъ. Изд. Подвижного музея учебн. пособій. С.-Пб. 1907. Стр. 73. Цѣна 25 коп.“

— „*Елишевъ, А. И.* „Красный пѣтухъ“. Особое безпл. прибавл. къ газетѣ „Сельскій вѣстникъ“. С.-Пб. 1906. Стр. 16.“

— „*Елишевъ, А. И.* Что такое землеустроительныя коммисіи? Особое безпл. прибавл. къ газетѣ „Сельскій вѣстникъ“. С.-Пб. 1906. Стр. 32.“

— „Земельный вопросъ. Особое прибавл. къ газетѣ „Сельскій вѣстникъ“. С.-Пб. 1906. Стр. 30. Цѣна 3 коп.“

— „*Карауловъ, М.* Отъ судьбы не уйдешь. Разсказъ. Издавъ В. Березовскій. (Солдатская библиот. № 338). С.-Пб. Стр. 21. Цѣна 6 коп.“

— „*Кичуновъ, Н. И.* Огородничество. Общедост. наставленіе къ разведенію огородныхъ овощей въ открытомъ грунту преимущественно для сѣверной и средней Россіи. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1907. Стр. 124. Цѣна 45 коп.“

— „*Князьковъ, С.* Изъ прошлаго русской земли. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 666. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Кольцовъ, А. В.* Стихотворенія. Подъ ред. П. В. Быкова. Изд. 3-е, К. И. Тихомирова. М. 1907. Стр. 148. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Кюфодъ, А. А.* Хуторское разселеніе. Изд. Главнаго управленія, землеустройства и земледѣлія. С.-Пб. 1907. Стр. 72.“

— „Крестьянскія нужды. Особое прибав. къ газетѣ „Сельскій вѣстникъ“. С.-Пб. 1906. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“

— „*Луговой, А.* На куриномъ насѣстѣ. (Сочиненія. Т. I) 2-е изд., А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 287. Цѣна 1 р.“

— „Обшедоступные разсказы изъ русской исторіи. Изд. 2-е, доп. и перераб., книжнаго склада „Школьное и библиотечное дѣло“. С.-Пб. 1905. Стр. 128. Цѣна 30 коп.“

— „Откуда добываются казною средства и на что казна расходуетъ ихъ? Особое безпл. прибавл. къ газетѣ „Сельскій вѣстникъ“. С.-Пб. 1907. Стр. 32.“

— „Переселеніе за Уралъ. Особое прибавл. къ газетѣ Сельскій вѣстникъ“. С.-Пб. 1906. Стр. 47. Цѣна 6 коп.“

— „*Иескеръ, Д.* Миръ микробовъ. Издательство О. Н. Поповой. (Изъ жизни природы и человѣка № 66). С.-Пб. 1905. Стр. 36. Цѣна 5 коп.“

— „*Петровъ, Хар.* Помѣщнки. М. 1906. Стр. 24. Цѣна 2 коп.“

— „Русская старина. Ежемѣсячное историческое изданіе. С.-Пб. Редакторъ-издатель П. Вороновъ. Подписная цѣна 9 руб. въ годъ.“

— „*Садовниковъ, Д.* Подвиги русскихъ въ Сибири. Ерошей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ. (Разсказы о завоеваніи и заселеніи Сибири). Изд. В. Д. Корчагина. М. 1906. Стр. 61. Цѣна 20 коп.“

— „*Смоленскій, Ал.* Земля—всему трудящемуся народу. Особое безпл. прибавл. къ газетѣ „Сельскій вѣстникъ“. С.-Пб. 1907. Стр. 16.“

— „*Соболевъ, Ив.* Забастовки. М. 1906. Стр. 19. Цѣна 4 коп.“

— „*Соболевъ, Ив.* Кого выбирать? Мнѣніе мудреца Сократа. М. 1906. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“

— „*Трубилинъ, Ив.* Совѣты по пчеловодству. Кратко все необходимо о постройкѣ рамочныхъ ульевъ и о веденіи въ нихъ пчель улучшая породу. 2-е изд., А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1906. Стр. 98+1 табл. Цѣна 40 коп.“

— „Уравненіе крестьянъ въ правахъ съ прочими сословіями. Особое прибавл. къ газетѣ „Сельскій Вѣстникъ“ С.-Пб. 1906. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“

— „*Успенскій, А. И.* Викторъ Михайловичъ Васнецовъ. Изд. Коммисіи по устройству общеобразов. чтеній для фаб. зав. рабочихъ г. Москвы. М. 1906. Стр. 126.“

— „Что хочетъ сдѣлать правительство, чтобы улучшить

положеніе крестьянъ. Особое прибавл. къ газетѣ „Сельскій Вѣстникъ“. С.-Пб. 1906. Стр. 47. Цѣна 6 коп.“

— „Шубартъ, И. Книга для крестьянъ о лучшемъ устройствѣ сельскаго хозяйства. Перев. съ нѣм. съ примѣчаніями Ю. С. Еремьсовой. Изд. 2-е, испр. и доп. Кіевъ. 1906. Стр. III+66. Цѣна 25 коп.“

МОЯ „ALMA MATER“.

Кто проѣжалъ изъ г. С. по в—скому шоссе, тотъ видѣлъ въ концѣ нашего села возлѣ церкви вросшее въ землю покосившееся на бокъ одноэтажное низенькое зданіе, съ двумя небольшими комнатками и передней по срединѣ, выстроенное изъ купленного сарая, стоящее лицевой стороной къ церкви, а задомъ къ шоссе... Вотъ это и есть моя «alma mater».

Эта старая *земская школа* въ теченіи своего 20-ти лѣтняго существованія выпустила многихъ деревенскимъ мальчиковъ и дѣвочекъ грамотными, т. е. могущими подписать гдѣ-либо свое имя и фамилію, и только маленькая частичка (человѣкъ 5—6) по выходѣ изъ школы сдѣлались телеграфистами, одинъ поступилъ въ учительскую семинарію, чтобы по выходѣ изъ нея избѣжать военной службы, и одинъ сдѣлался газетнымъ корреспондентомъ—самоучкой.

Первый учитель нашей школы (нынѣ покойникъ) былъ не важный человѣкъ: любилъ *выгонять* учениковъ вонъ изъ училища за какой либо проступокъ; одного ученика даже выпоролъ розгами... не одинаково относился къ своимъ ученикамъ... такъ что объ этомъ горѣ-человѣкѣ нечего сказать... сами факты за него говорятъ:—человѣкъ онъ былъ „случайный работникъ“ безъ призванія къ дѣлу.

Другой учитель нашей школы Миронъ Прокофичъ Горѣленковъ былъ хотя и сердитый и вспыльчивый, но человѣкъ—душа!.. Любили его ученики!—свой онъ имъ былъ, родной!..

Иногда накажетъ ученика—поставить его на колѣни. Бѣдный онъ! лаптишки у него грязные, рубашенка грубая, штанишки съ заплатами; самъ онъ мизерный такой, пришибле-

ный, забитый.. Подойдетъ Миронъ Прокофичъ къ нему, гля-
нетъ... — «А! что? понало?..» отвернется, и слезы текутъ...
«Малыши вы! выростемъ ли мы съ вами когда?.. Никогда!..
А тоже человекъ какъ будто!.. учится грамотѣ!.. вставай,
дружек!.. настояшья еще! Что тебя ждетъ? эхъ!... — Учить-
ся надо!.. время дорого! развѣ бы я васъ наказывать!? чу-
даки—п!!!»

Иногда онъ сердился и злился, какъ говорится «вы-
ходилъ изъ себя», кричалъ на учениковъ: «Наршивцы, я
васъ!» Иногда подойдетъ къ кому изъ учениковъ,—мальчикъ
испуганно прижмется къ партѣ.-- «Ты чего боишься, малень-
кій рабикъ?.. забитое созданіе!—Ты долженъ быть смѣлым!
а не трусомъ... Ишь жмешься къ партѣ! чѣмъ ты виноватъ,
что ты не знаешь ничего? Это я виноватъ, что вы такіе! по-
нимаєте: я!..»

Училъ онъ всѣхъ одинаково—всѣмъ старался вложить
свою душу и передать свои знаніе.

Зимой онъ вмѣстѣ съ учениками игралъ въ снѣжки,
весной въ мячикъ, для всѣхъ былъ какъ товарищъ, какъ
другъ.—Погодите!.. говоривалъ онъ—вотъ «выхлопочемъ»—
будетъ у насъ бібліотека, будемъ устраивать воскресныя че-
тія. Я на лѣто отъ васъ не буду уѣзжать, съ вами буду вмѣ-
стѣ жить..

Но не суждено ему было жить съ нами.—«Больно лю-
билъ онъ правду!..» говорили мужики. — «Землямѣру не даль
схваляшвили при отмежеваніи церковной земли отъ помѣ-
щичьей... И пану не спялъ пляну.. Ну, панъ и осерчалъ, зна-
чить, на учителя. Пожаловался «онъ» значить инспектору на
учителя». Въ результатѣ наказаніе учителя, переводъ..

На учителя, какъ на человека честнаго и сираведливаго,
подобная несправедливость не могла не повліять. Такую
обиду отъ инспектора онъ не могъ снести. Съ горя, какъ ча-
сто водится, занялъ... и въ довершеніе своей печальной уча-
сти послѣдніе дни своей несчастной жизни окончилъ въ кли-
нической больницѣ душевно больныхъ.

Такъ погибъ дорогой работникъ—народный учитель, а
много бы онъ сдѣлалъ добраго и полезнаго для народа!..

Преемницей безвременно погибшаго наставника учителя М.
П. Горѣленкова въ нашу школу была назначена учитель-
ница А. П. Успенская,—человекъ любящій дѣло и старатель-

ный... Но при всемъ своемъ стараніи она не могла принести нашей школь большой пользы, такъ какъ не оказывала надлежащаго вліянія на своихъ питомцевъ. Все (за исключеніемъ немногихъ) почему-то не любили ее.

Пойти не куда и пожаловаться на свою «недолю» не кому. Поговорить и отвести душу не съ кѣмъ. Сиди вѣчно одна. На деревнѣ ее за глаза ругаютъ — называютъ «каржавиной» (она хромала на одну ногу). Староста церковный (человѣкъ неграмотный, но хитрый и эгоистичный) частенько поговаривалъ мужикамъ, что —учительница наша «чужое мѣсто занимаетъ.— Куда ей возиться съ дѣтьми?. Три часа до гроба... Не дурно бы ее выселить»,... А разъ корень зла пущенъ былъ въ народъ, то недовольство стало все расти и расти.. Посыпались на учительницу всякаго рода прошенія по начальству.

Староста видѣлъ въ учительницѣ своего «врага», такъ какъ мѣтилъ выдать свою дочь за дьячка, который считался ухаживающимъ за учительницей и за котораго впоследствии она вышла замужъ. Народъ во всехъ и каждомъ видитъ своего врага.

«Начальство» въ свою очередь сопротивлялось и не обращало на прошенія никакого вниманія не потому, что признавало учительницу нужной и полезной для нашей школы, а просто потому, что «мужиковъ слушать нельзя: учительница у нихъ хороша, политикой она не занимается, а до всего остального имъ дѣла нѣтъ»

Мужики сердятся на учительницу, учительница на мужиковъ... На сцену являются всякаго рода сплетни,—всякая грязь... Учительница стала выходить изъ себя, злиться, нервничать... Однажды баба деревенская назвала ее «фрейлиной важной». Въ другое время она бы и не обратила на нее вниманія, но желчь такъ разлилась, что она подала въ судъ. И вотъ мужики судятъ въ волости учительницу народную съ бабой деревенской.

А тутъ злосчастный бракъ съ дьячкомъ... Пошли всякаго рода семейныя сцены. Нервы ее окончательно доканали.. Однажды она бѣдная идетъ по селу, мечется... рассказываетъ про свое горе, что она застала своего мужа съ старостиной Дуней «въ кустахъ»... Но ее не слушаютъ... Надъ ней дико и зло смѣются... Она начинаетъ «мстить» старостѣ. Бьетъ окна въ его домѣ... Ста-

роста писать „въ судъ“, къ земскому. Слава идетъ на пол-свѣта... Бьетъ своего мужа башмакомъ по лицу и щекамъ... отдѣляется отъ него: все лѣто живетъ на кухнѣ, оставивъ ему «горницу», потомъ опять сходитъ съ нимъ и терпитъ всякія житейскія невзгоды... Сцены со священникомъ. Священникъ вышвыриваетъ ее «за шпвороть» изъ своего дома, она плюетъ ему въ бороду, и начинается опять тяжба... и т. д. и т. д. Грязныя пошлыя картинки дикой несчастной деревни.

Не удивительно послѣ этого, что изъ нашей школы, въ теченіе 20-ти лѣтъ ея существованія, мало—кто вышелъ въ люди. Ученики по выходѣ изъ школы тотчасъ же все забываютъ... они не приучены къ чтенію и книгѣ. О саморазвитіи и самообразованіи никто изъ питомцевъ нашей школы, за исключеніемъ двухъ трехъ, и думать не хочетъ!.. И всѣ эти деревенскіе грамотѣи со «свидѣтельствами» и «похвальными листами» остались и останутся такими же мужиками, какъ и были: вѣрятъ въ «лѣшаго» и «домового», ходятъ къ ворожеямъ и лѣчатся у знахарей. Грамотными только числятся «официально»...:—грамотный ты? спрашиваетъ урядникъ, иди роспишись.. И онъ, этотъ грамотѣй, беретъ тогда за перо и каракульками «ставитъ» свое имя и фамилію

Найдете ли вы изъ 20-ти деревень района нашей школы хотя десять человѣкъ читавшихъ писателей: Пушкина, Гоголя, Некрасова, Никитина, Г. Успенскаго? нѣтъ, не найдете...— ихъ нѣтъ...

Наши учителя не приучили своихъ учениковъ къ чтенію, къ книгѣ. Газетъ никто не выписываетъ во всѣхъ двадцати деревняхъ, за исключеніемъ 2-хъ экзмп. «Сельск. В—ка» и еще какой-то газетки. Кто покупаетъ книги? На этотъ вопросъ я не отвѣчу, такъ что слишкомъ мрачна будетъ моя картина.

Да и не мало на Руси такихъ школъ, кромѣ моей «almae matris».

Полячковъ.

СЛУТИ ОТЕЧЕСТВА.

(Записки изъ недавняго прошлаго—начало смуты)

(продолженіе.)

VIII.

Изъ записокъ Пахарева—продолженіе.

Утромъ 28 декабря я отправился на Большую Садовую, въ домъ Шефера, противъ Юсупова Сада, гдѣ жилъ А. Н. Майковъ. Я поднялся по каменной лѣстницѣ на самый верхъ и позвонилъ. Дѣвушка открыла мнѣ дверь. Я подалъ ей карточку. Черезъ минуту она вернулась и пригласила пожаловать въ кабинетъ, гдѣ я и встрѣтился съ поэтомъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій мы усѣлись къ столу. Аполлонъ Николаевичъ началъ читать мою тетрадь, заключавшую въ себѣ 16 стихотвореній. Пьеса „Пожинки“ ему особенно понравилась. „Прелестно!“ воскликнулъ онъ, прочитавъ ее: только выраженіе *осень черная* не гармонируетъ съ общимъ тономъ... Въмѣсто *черная* надо приискать другой эпитетъ“. Мы оба долго отыскивали желанный эпитетъ, но не могли найти. Прочитавъ пьесу „масленица“, онъ опять воскликнулъ: „прелестно!“ и когда узналъ, что это отрывокъ одной пѣсни поэмы, пожелалъ прочесть всю пѣсню. Я подалъ ему собраніе моихъ стихотвореній, изданное мастерской учебныхъ пособій. Онъ прочелъ все стихотвореніе „масленица“ и остался имъ доволенъ. Были прочитаны и другія мои стихотворенія, о которыхъ поэтъ давалъ отзывъ, указывая на ихъ достоинства и недостатки, предупредивъ меня, что онъ говоритъ безпристрастную правду; что его замѣчанія, можетъ быть, мнѣ не нра-

вятся. Я предложилъ Аполлону Николаевичу прочесть, „Подвѣ-
вечную баню“, содержаніе которой взято изъ народной пѣсни,
предупредивъ его, что и самая пѣсня напечатана подъ тѣмъ же
заглавіемъ.

— А какъ вы думаете, обратился онъ ко мнѣ, -- кото-
рая изъ этихъ пѣсень лучше: ваша или народная?

— Думаю, что народная, отвѣчалъ я.

— Несомнѣнно.

Сначала мы прочли народную „Подвѣвечную баню“. На
нѣкоторыхъ стихахъ останавливались и обсуждали ихъ зна-
ченіе. Такъ, напримѣръ, словамъ *чужой—чуженинъ*, какъ на-
зывается въ пѣснѣ женихъ, я придавалъ то значеніе, что
при крѣпостномъ правѣ женихъ для невѣсты былъ именно
чужой-чуженинъ: увезутъ, бывало, дѣвушку за сотни верстъ
и поставятъ ее подъ двѣнецъ съ человѣкомъ, котораго она
никогда не видала. Аполлонъ Николаевичъ говорилъ, что
онъ придаетъ этимъ словамъ болѣе широкое значеніе: въ
языческія времена, когда похищали невѣсту, женихъ для не-
вѣсты былъ *чужой-чуженинъ*. Покончивъ съ народною, нача-
ли читать мою „Подвѣвечную баню“.

— Какова? спросилъ я его, когда онъ окончилъ чтеніе.

— Хороша.

— Которая лучше?

— Обѣ хороши. Первая имѣетъ то преимущество, что
она народная—безыскусственное твореніе самого народа, имѣетъ
особенности, свойственныя только народнымъ произведеніямъ.

Не могу въ точности воспроизвести, чѣмъ закончилъ
онъ свое сужденіе о народныхъ пѣсняхъ.

Отъ нихъ мы перешли къ сказаніямъ. Аполлонъ Нико-
лаевичъ прочелъ сказаніе о Петрѣ Великомъ, прозой запи-
санное Е. В. Барсовымъ въ Онежскомъ краѣ; но на самомъ
дѣлѣ оно составлено стихами, и послѣдніе очень удачно воз-
становлены поѣтомъ. Сказаніе, само по себѣ прекрасное, осо-
бенно величественно и поразительно явилось въ чтеніи Апол-
лона Николаевича: онъ читалъ прелестно. Въ первый разъ
въ жизни я слышалъ такое чтеніе и просилъ прочесть еще
что—нибудь изъ его твореній. Онъ прочелъ „Емшанъ“, „Въ Го-
родцѣ въ 1263 году“ и „менуэтъ“. Я восхищался его чтеніемъ.

— У насъ теперь стиховъ не читаютъ, замѣтилъ онъ.

— Потому, вѣроятно, что не умѣютъ читать, добавилъ я.

Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ о появленіи пьесы „Емшанъ“: „Однажды проѣзжалъ я по степи. Вдругъ почувствовалъ, что какой-то особенно пріятный запахъ разливается въ воздухѣ. Остановливаю ямщика и спрашиваю: чѣмъ такъ пріятно пахнетъ?

— „Это *полынокъ*, отвѣчалъ ямщикъ.

— Какой *полынокъ*?

— „Трава такая... Здѣсь ея много.

— „Покажи-ка мнѣ эту траву!

„Онъ указалъ. Я много нарвалъ ее, привезъ въ гостиницу, положилъ на диванъ, на столъ, на окна. Чудный запахъ разлился по комнатѣ!

Прошло много времени. Понадобилась мнѣ какая-то книга. Я запустилъ руку въ шкафъ, въ третій рядъ, попало что-то мягкое, вынимаю, оказывается—пучекъ травы. Комната наполнялась благоуханіемъ: это былъ засохшій *полынокъ*. Передъ тѣмъ я читалъ волынскія лѣтописи; въ нихъ упоминается о травѣ *емшанъ*, придававшей благовопіе степямъ. И я подумалъ: не есть ли этотъ *полынокъ* тотъ самый *емшанъ*, о которомъ говорится въ лѣтописи? Я рѣшилъ, что иначе и быть не можетъ... Послѣ написалъ пьесу „Емшанъ“.

Въ этомъ стихотвореніи говорится, что ханъ Отрокъ, кавказскій царь, принявъ отъ цѣвца *емшанъ* и почувя его благоуханіе, отказался отъ царствана Кавказѣ и возвратился въ степи на свою родину. Вотъ нѣкоторые стихи изъ пьесы „Емшанъ“ (Сырганъ наказываетъ цѣвцу передать царю Отроку):

„Скажи ему, чтобъ бросилъ все,

Что умеръ врагъ, что спали цѣпи,

Чтобъ шелъ въ наслѣдіе свое,

Въ благоухающія степи!

„Ему ты пѣсенъ нашихъ спой,—

Когда жъ на пѣснь не отзовется,

Свяжи въ пучекъ *Емшанъ* степной

И дай ему—и онъ очнется“.

.....

Введенъ цѣвецъ. Онъ говоритъ,

Чтобъ въ степи шелъ Отрокъ безъ страха,

Что путь на Русь кругомъ открытъ,
Что нѣтъ ужъ больше Мономаха!

Отрокъ молчитъ, на братниѣ зовъ
Одной усмѣшкой отвѣчаетъ—
И пиръ идетъ, и хоръ рабовъ
Его, что солнце, величаетъ.

Встаетъ пѣвецъ и пѣсни онъ
Поетъ о быляхъ половецкихъ,
Про славу дѣдовскихъ временъ
И ихъ набѣговъ молодецкихъ.

Отрокъ угрюмый принялъ видъ
И, на пѣвца не глядя, знакомъ,
Чтобъ увели его—велитъ
Своимъ послушливымъ кунакамъ.

И взялъ пучекъ травы степной
Тогда пѣвецъ и подалъ хану—
И смотритъ ханъ—и, самъ не свой,
Какъ бы почувя въ сердцѣ рану,

За грудь схватился... Всѣ глядятъ—
Онъ, грозный ханъ, что жъ это значить?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожатъ—
Пучекъ травы цѣлуя, плачетъ!

.

И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
„Не царь я больше вамъ отнынѣ!“
Воскликнулъ, „смерть въ краю родномъ
Милѣй, чѣмъ слава на чужбинѣ!“

Сказаніе о Петрѣ Великомъ дало намъ поводъ погово-
рить объ отечественной исторіи. Разговорились о Костомаровѣ. Я сказалъ, что „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ
ея главнѣйшихъ дѣятелей“ написана прекраснымъ языкомъ.
—„Книга Костомарова терзаетъ цѣну въ томъ отношеніи, за-

мѣтилъ Аполлонъ Николаевичъ, что въ ней преднамѣренно очернено *московское*, многіе факты ложно истолкованы, истолкованы въ ущербъ истинѣ. Историкъ даже усомнился въ томъ—существовалъ ли Сусаннѣ (что Сусанинъ не миеъ, это доказано); между тѣмъ все малороссійское, украинское прикрашено: онъ не Россію вообще считаетъ своимъ отечествомъ, а Украину. Другіе малороссійскіе писатели такъ не поступали. Гоголь былъ русскимъ, хотя родился въ Малороссіи.—„Мы часто бранимся съ Костомаровымъ, шутя прибавилъ поэтъ: онъ меня называетъ *москалемъ*, а я его хохломъ... Вы, я говорю, хохоль, не только хохоль—даже украинець. Я горжусь тѣмъ, серьезно продолжалъ онъ: что хотя я и очень маленькая крупница, принадлежу къ великому русскому міру!“ Въ бесѣдѣ нашей мы коснулись также школьнаго дѣла въ Россіи, отношенія народныхъ учителей къ священникамъ. Побесѣдовавъ со мною, онъ сказалъ, что я человѣкъ здоровый духомъ.

Онъ подарилъ мнѣ полное собраніе своихъ сочиненій съ надписью „на память“ и просилъ меня еще разъ посѣтить его. Я очень радъ былъ снова побесѣдовать съ нимъ.

29 декабря я былъ въ Императорской Академіи Наукъ. При первомъ же шагѣ въ этотъ храмъ науки меня изумило слѣдующее обстоятельство. Только открылъ я дверь снаружи, въ самомъ проходѣ встрѣтилъ человѣка, поразившаго меня неожиданностью встрѣчи и костюмомъ. Нѣсколько мгновений мы молча смотрѣли другъ на друга. Наконецъ онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ проговорилъ что-то, подобное тому: „Вамъ што уготна?“—Я отвѣчалъ, что приглашенъ академикомъ въ собраніе. Онъ сейчасъ же растворилъ двери и началъ мнѣ прислуживать... Это былъ швейцаръ въ парадной формѣ. Что за странность! Въ русской Академіи русскій сельскій учитель слышитъ первое слово на чуждомъ языкѣ.

Я первыѣ прибылъ въ Академію, за часъ до открытія засѣданія: ходилъ по комнатамъ, разсматривалъ портреты, которыми въ одной изъ залъ завѣшены были всѣ стѣны.

Въ торжественномъ собраніи были читаны годовые отчеты:

1) Отчетъ по физико-математическому и историческому отдѣленіямъ Академіи Наукъ за 1883 годъ непрерывнымъ

секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ. Читалъ онъ тихо, не всякое слово можно было слышать.

2) Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за тотъ же годъ—академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. Онъ читалъ громко и отчетливо. Особенно трогательно прочелъ онъ мѣсто объ И. С. Тургеневѣ.

3) О боярской думѣ Московскаго Государства, по ея до насъ дошедшимъ докладамъ и приговорамъ—академикомъ Н. В. Калачевымъ.

По окончаніи чтенія были провозглашены имена лицъ, вновь избранныхъ Академіею въ почетные члены и въ члены корресподенты. Изъ моихъ знакомыхъ въ Академіи я встрѣтилъ семейство Якова Карловича Грота. Изъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ видѣлъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, митрополитовъ: Исидора С.-Петербургскаго и Платона Кіевскаго.

IX

Изъ записокъ Пахарева—Продолженіе.

Утромъ 30 декабря я опять навѣстилъ Аполлона Николаевича. На этотъ разъ у него оставался недолго: на другой день долженъ былъ выѣхать въ Москву съ первымъ поѣздомъ, а мнѣ еще предстояло много дѣла. Я узналъ отъ Аполлона Николаевича, что Яковъ Петровичъ Полонскій, нынѣ покойный, тоже въ Петербургѣ и на вопросъ „не угодно ли познакомиться съ нимъ“ отвѣчалъ утвердительно, обрадовавшись благопріятному случаю. Аполлонъ Николаевичъ далъ мнѣ визитную карточку къ Якову Петровичу.

— Вы садьте на конку: на извозникахъ здѣсь много можно проѣздить, говорилъ онъ.

— Я все на извозникахъ ѣзжу: на конкѣ боюсь—не попасть бы подъ колеса, отвѣчалъ я.

— Она здѣсь, на углу, остановится... Я насъ посажу Я согласился. Но, когда вышли на улицу, конки не было, и мы пошли по тротуару.

— „Извозникъ! 20 копеекъ до такого-то мѣста“, сказала Аполлонъ Николаевичъ, идя впередъ и, повидимому, не обращая вниманія на извозника, который, послѣ нѣкотораго колебанія, и повезъ меня за 25 копеекъ. „Видите“ съ улыбкою прибавилъ поэтъ; ему было извѣстно, что я заплатилъ 60 копеекъ, ѣдучи къ нему, за такое же разстояніе.

Яковъ Петровичъ Полонскій жилъ на углу Знаменской и Бассейной, въ домѣ № 22, въ квартирѣ № 8.—Въ кабинетѣ его были два бюста Пушкина: одинъ гипсовый, другой, бронзовый, представлявшій собой копию съ памятника, поставленнаго великому поэту въ Москвѣ, въ небольшемъ размѣрѣ. Заявивъ ему о цѣли моего посѣщенія, я подалъ Якову Петровичу свою книгу—„Пѣсни сельскаго учителя“. Мы сѣли за большой письменный столъ. Онъ началъ просматривать мою книгу. Прочитавъ первую пьесу, указалъ на погрѣшности, отмѣтилъ въ ней прозаическія мѣста и сказалъ мнѣ:

— Обращайте болѣе строгое вниманіе на технику стиха: въ шестистопныхъ ямбахъ цезура должна быть на третьей стопѣ, а не на второй, какъ въ пятистопныхъ.

— Я придерживался того мнѣнія, что цезура можетъ быть на любой стопѣ: на второй или на третьей.

— Въ пятистопномъ ямбѣ на второй, а въ шестистопномъ на третьей—это лучше.

Онъ прочелъ изъ моихъ стихотвореній нѣсколько вьесъ. О всѣхъ ихъ далъ отзывъ, указавши на ихъ недостатки, отмѣтивъ лучшія мѣста. Нѣкоторые стихи ему очень понравились.

— Гдѣ вы взяли такой размѣръ, которымъ писанъ вашъ „сѣнокосъ?“ Онъ, размѣръ, вамъ очень удается.

— У Мея, отвѣчалъ я:—когда былъ воспитанникомъ учительской школы, мнѣ удалось прочесть его сочиненія, которыхъ я послѣ того не читывалъ, хотя прошло съ тѣхъ поръ около десяти лѣтъ: не могъ достать ихъ; у Мея такимъ размѣромъ написано небольшое стихотвореніе. Я не забылъ его до сихъ поръ. Вотъ оно:

„Охъ, не лги ты, не лги,
„Даромъ глазокъ не жги,
„Вороватая!

„Лучше спой про свое,
„Про дѣвичье житье,
„Распроклятое:

„Какъ въ зеленомъ саду,

„Соловей на бѣду
„Разыстomную.

„Шѣсню пѣль, напѣвалъ,
„Съ милымъ спать не давалъ,
„Ночку темную“.

Затѣмъ Яковъ Петровичъ, раскрывъ книгу мою наудачу, началъ читать про себя „Масленицу“; пьесой остался доволенъ; нѣкоторые стихи ему особенно понравились, и онъ повторилъ вслухъ:

„А за нимъ и другой,
„Съ золоченой дугой,
„Скачетъ бѣшено;

„На шлеѣ позументъ,
„На конѣ много лентъ,
„Понавѣшено.“

— Это превосходно, отлично! восклицалъ поэтъ: послѣ я прочту всю книгу. При сложеніи стиховъ не слѣдуетъ упускать изъ вида слѣдующаго правила: въ пьесѣ не должно быть ни одного лишняго слова, какъ не должно быть лишнихъ цифръ въ ариѳметической задачѣ: если вкрадется въ задачу лишняя или невѣрная цифра, вся задача будетъ невѣрна; лишнее или неточное слово портитъ пьесу, дѣлаетъ ее невѣрною, говорилъ мнѣ въ назиданіе Яковъ Петровичъ.

— А что это у васъ у окна стоитъ? спросилъ я у него передъ уходомъ.

— Картина, которую я рисую.

— Позвольте взглянуть на нее.

— Сдѣлайте одолженіе.

На картинѣ былъ изображенъ видъ мѣстности: спереди дугъ, чрезъ который пролегаетъ дорога въ лѣсъ, за лѣсомъ горы.

— Эта картина снимокъ съ какой-нибудь существующей въ натурѣ мѣстности, или она плодъ вашей фантазіи? спросилъ я.

— Да, въ натурѣ такой мѣстности нѣтъ.

— А это горы виднѣются за лѣсомъ?

— Горы, только небольшія... такія, какъ наши Пулковскія.

Картина мнѣ очень понравилась.

— Какова? спросилъ меня Яковъ Петровичъ.

— Хорошо., мнѣ нравится... только я мало смыслю въ такихъ вещахъ.

— Художники тоже хвалятъ.

— Значить—хороша.

— У меня страсть къ рисованію: за послѣднее время ничего не пишу—все рисую.

— А я, къ сожалѣнію, рисовать вовсе не умѣю, грустно замѣтилъ я.

На прощаньи Яковъ Петровичъ просилъ меня наскѣпать его, когда случится мнѣ быть въ Петербургѣ, и обѣщаль выслать мнѣ свои сочиненія, которыхъ у него тогда не случилось при себѣ; а когда онъ узналъ, что я буду вечеромъ у Якова Карловича Грота, просилъ кланяться ему, передать его привѣтъ.

Вечеромъ того же дня я отправился по знакомой уже мнѣ дорогѣ на Васильевскій островъ отдать прощальный визитъ Якову Карловичу и его любезному семейству, гдѣ и пробылъ часовъ до двѣнадцати. Сначала мы бесѣдовали вдвоемъ, говорили о полякахъ, нѣмцахъ и евреяхъ; потомъ вошли въ комнату Константинъ Яковлевичъ и молодой человѣкъ, родомъ чехъ, если память мнѣ не измѣнила; имени его не запомнилъ—кажется, Свѣтланскій. Онъ былъ вольнослушателемъ въ духовной академіи, по крайней мѣрѣ такъ онъ самъ заявилъ намъ, бѣдствовалъ, писалъ статьи для „Новаго Времени“, довольно хорошо зналъ русскій языкъ, хотя грѣшилъ противъ просодіи.

— Теперь я могу и помереть, Яковъ Карловичъ, потому что видѣлъ Вашего сына, сказалъ чехъ послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Я тоже самое могу сказать, прибавилъ я.

— Что тоже самое? обратился онъ ко мнѣ.

— Тоже, что и вы сказали.

— Вы пріѣхали къ сыну, пояснилъ ему Яковъ Карловичъ, а Иванъ Ильичъ къ отцу.

На лицахъ присутствующихъ появилась улыбка удовольствія.

Константинъ Яковлевичъ написалъ историческую статью о чехахъ, объ отношеніяхъ чешскаго народа къ русскому,

въ которой говорилось, что въ старину чехи помогали русскимъ въ трудныя времена. Прочитавъ эту статью, онъ извѣдѣлъ желаніе лично познакомиться съ авторомъ ея, что ему и удалось, и знакомствомъ этимъ остался такъ доволенъ, что у него вырвалось вышеприведенное выраженіе: „теперь я могу и умереть.“ Благодаря присутствію чеха, разговоръ держался весь вечеръ *на объединеніи славянскихъ народностей*.

— Нашъ народъ, говорилъ чехъ, обиженъ тѣмъ, что Софія отдана болгарамъ: отнять у насъ Софію тоже значить, что у Россіи отнять Кіевъ или Москву. Мы всегда были дружны съ вами, русскими, а болгары нѣсколько разъ оставались неблагодарными по отношенію къ вамъ, и вы больше сдѣлали для нихъ, чѣмъ для насъ.

Я отвѣчалъ, что русскіе стараются сдѣлать пользу для всѣхъ славянъ; что съ болгарами они сами должны поладиться; что русскимъ неудобно вмѣшиваться въ это дѣло, въ славянскія междоусобія.

— Зачѣмъ вы ѣздите учиться къ нѣмцамъ? спрашивала его Наталья Петровна, супруга Якова Карловича; вамъ слѣдуетъ учиться въ Россіи.

— Русское высшее общество, за рѣдкими исключеніями, смотритъ на насъ съ пренебреженіемъ; нѣмцы же болѣе благосклонны къ намъ.

— И всетаки вамъ слѣдуетъ учиться въ Россіи, настойчиво говорила она: нѣмцы, лаская васъ, ставятъ вамъ ловушки, дѣлаютъ васъ самихъ нѣмцами.

Часовъ въ одиннадцать въ комнату, гдѣ мы бесѣдовали, вошелъ Павелъ Васильевичъ Шейнъ, извѣстный ученый, собиратель народныхъ пѣсенъ, пословиць и поговорокъ. Онъ предложилъ мнѣ собрать въ нашей мѣстности народныя пѣсни и послать къ нему. Я обѣщалъ, и внослѣдствіи послалъ ему, что могъ собрать.

Въ полночь я уѣхалъ отъ Якова Карловича. Онъ вмѣстѣ со своей любезною супругою проводилъ меня до дверей... Оба они меня поцѣловали... Яковъ Карловичъ далъ мнѣ на дорогу коробочку сигаретокъ и въ послѣдній разъ любезно пожалъ руку, пожелавъ счастливаго пути.

Х

Изъ записокъ Пахарева—продолженіе.

Мнѣ надлежало пребыть въ Петербургѣ еще нѣсколько

ко дней, познакомиться съ нѣкоторыми писателями, педагогами и другими дѣятелями; но я получилъ телеграмму изъ Москвы отъ Ивана Ивановича Покровскаго, сельскаго учителя, вмѣстѣ съ которымъ я ѣхалъ до Первопрестольной. Онъ извѣщалъ, чтобы я поспѣшилъ выѣздомъ, что на дняхъ онъ уѣдетъ. Последнее обстоятельство для меня было невыгодно: мнѣ пришлось бы на обратномъ пути со станціи желѣзной дороги ѣхать одному на парѣ лошадей, это стоило бы дорого. Вотъ почему я и поспѣшилъ выѣхать изъ Петербурга до истеченія срока отпуска.

Въ Москвѣ Иванъ Ивановичъ остановился въ одномъ изъ монастырей недалеко отъ Кремля, гдѣ дядя его, архіерей, у котораго онъ гостилъ во время отпуска, имѣлъ свою резиденцію.

Покровскій былъ сынъ псаломщика, выбывшій изъ духовнаго училища, потомъ поступившій въ одну изъ учительскихъ семинарій, въ которой закончилъ свое образованіе; а затѣмъ сразу же былъ зачисленъ учителемъ въ министерское училище. Оставаться на долге въ этой должности ему не хотѣлось: онъ поджидалъ, скоро ли его дядю посвятятъ въ санъ Епископа; тогда бы Ивану Ивановичу возможно было посвятиться въ священники. Дядя его уже второй годъ служилъ Епископомъ и не лишаетъ племянника надежды на посвященіе его со временемъ въ священники.

Дѣлаю перерывъ въ запискахъ Пахарева, чтобы самому сказать нѣсколько словъ.

Вотъ что мнѣ извѣстно изъ прошлаго Ивана Ивановича Покровскаго.

Рано утромъ 28 іюля 1876 года нара почтовыхъ лошадей остановилась у воротъ гостинницы захолустнаго уѣзднаго городка въ сѣверномъ краѣ. Изъ экипажа бойко выскочилъ молодой человѣкъ средняго роста, съ расчесанными и опущенными внизъ усами, съ гладко выбритымъ подбородкомъ. Пухлыя, румяныя щеки, довольно толстыя губы, маленькіе глаза—мало говорили въ его пользу. Всѣ манеры его ясно доказывали, что онъ старался придать своей фигурѣ нѣкоторую благородную осанку; но усилія его были тщетны—фи-

гура его была мѣшковата, тяжела, лицо выражало какое-то ступѣніе и вялость.

Одѣтъ онъ былъ чисто. Оѣрое пальто съ бархатнымъ синимъ воротникомъ, снѣжной бѣлизны сорочка съ голубымъ галстукомъ, черный сюртукъ и брюки самаго моднаго покроя, синіе очки, фуражка съ кокардой—все это невольно привлекло вниманіе прислуги, вышедшей отворить ворота, и производило на нее пріятное впечатлѣніе. Одинъ изъ старыхъ служителей, окинувъ взглядомъ съ ногъ до головы молодого человѣка и вѣроятно подумавъ, что это какой-нибудь знатный чиновникъ изъ губернскаго города, особенно вѣжливо пригласилъ его пожаловать въ гостинницу. Туда-же ящикъ понесъ и багажъ проѣзжаго, состоявшій изъ небольшого кожанаго чемоданчика и кардонной коробки.

— Позвольте узнать ваше имя и отчество, обратился старикъ, служитель гостинницы, къ проѣзжему, чинно усѣвшемуся въ кресло къ небольшому овальному столу, и закурившему папиросу.

— Иванъ Ивановичъ Покровскій, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Пріятно слышать... Меня тоже зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Покровскимъ, замѣтилъ старикъ съ просіявшимъ отъ удовольствія лицомъ; онъ польщенъ тѣмъ, что такой господинъ, какъ этотъ проѣзжающій, носитъ его имя и фамилію; зато Покровскаго, молодого человѣка, нѣсколько огорчило это обстоятельство: „трактирный слуга Иванъ Ивановичъ Покровскій!“ думалъ онъ: какая злая насмѣшка судьбы!“

— Откуда изволите ѣхать? смѣю спросить.

— Изъ Петербурга... то есть... не прямо изъ Петербурга... Теперь ѣду съ мѣста моего служенія; но годъ тому назадъ я выѣхалъ изъ Петербурга...

Онъ почему-то предпочелъ выразиться такъ. „Должно быть, очень важный чиновникъ“, подумалъ старикъ и принялъ болѣе подобострастный видъ. Молодой человѣкъ, замѣтивъ, что слово „изъ Петербурга“ произвело впечатлѣніе на прислугу, постарался придать своему лицу внушительное выраженіе.

— По казенной надобности? смѣю спросить.

— По собственной. Подай-ка мнѣ чаю и графинчикъ водки.

— Сейчасъ все будетъ готово.

Старикъ удалился. Молодой человѣкъ подошелъ къ зеркалу, погладилъ усы, надѣлъ фуражку съ кокардой, осмотрѣлся, самодовольно улыбнулся и молвилъ самъ себѣ: „старикъ говорить—по казенной надобности? Значить, онъ принялъ меня за чиновника, ѣдущаго по казенной надобности... Хэ-хэ-хэ!.. А все это кокарда! Не пришили кокарды къ фуражкѣ, никто бы никогда не подумалъ, что я чиновникъ. И отъ крестьянъ не было бы уваженія. Даже встрѣчный мужикъ не своротилъ бы съ пути—вороти дескать самъ—не велика птица: я ѣду дескать съ возомъ, а ты налегкѣ. А ѣдешь ты съ кокардой—другое дѣло... Всякій отворотить, шапку сниметь и поклонится. А ты этакъ чинно подъ козырекъ сдѣлаешь, по военному, и довольно... даже не кивнешь головою. Вотъ что значитъ кокарда! не велика вещь, а какую важность придаетъ человѣку! Стараго сына слѣдуетъ попотчевать. Онъ добрый малый. Его обращеніе, признаться, польстило мнѣ, говорить: „по казенной надобности?“ каково? Уважаетъ, значитъ. Кажется онъ идетъ.“

Гость поспѣшно снимаетъ фуражку и садится въ кресло. Входитъ старикъ съ подносомъ, на которомъ графинъ съ виномъ и чайный приборъ.

— Иванъ!

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Ты водку пьешь?

— Грѣшный человѣкъ, употребляю.

— Неси еще рюмку

— Сейчасъ.

Старикъ вернулся съ рюмкою.

— Садись, братецъ, къ столу.

— Ничего... Постою.

— Садись. Ты будешь разливать чай.

— Воля ваша.

Оба Ивана Ивановича усѣлись, протянули по нѣскольку рюмокъ, повеселѣли.

— Скажи, дожалуста, какія у васъ новости въ городѣ?

— Особенностей никакихъ.

— Ужъ будто никакихъ?

— Есть кое-что... только неприлично рассказывать.

— Ничего.

— То есть, какъ ничего?

— Ничего, рассказывай все, что знаешь!

— Какіе вы, баринъ, любопытные... Не подать ли газету—тамъ интересныя новости. У насъ какія новости—срамно говорить о такихъ о новостяхъ. Я не молодой: за шестьдесятъ лѣтъ перегнулось.

— Такимъ глупостями я не занимаюсь.

— Какими это глупостями?

— Чтеніемъ газетъ.

— Не могу понять, что изволите говорить.

— И понимать не стоитъ! Выпей-ка еще рюмку.

— Воля ваша... выпьемъ...

— Ну, рассказывай, какія у васъ новости въ городѣ?

— Не могу... воля ваша... Грѣшно—я не молодой.

— Экой ты, братецъ.

— Грѣшно: за шестьдесятъ перегнулось.

„Отъ него ничего не узнаешь“, подумалъ молодой человѣкъ.

— А ты самъ здѣшній?

— Да, то есть, я давно здѣсь служу... Въ молодости я учился въ духовномъ училищѣ, изъ третьяго выпелъ, не далась наука... Съ тѣхъ поръ служу въ гостинницѣ.

— Развѣ ты духовнаго званія?

— Точно. Сынъ дьячка. Родина моя у Покрова; верстахъ въ двадцати отсюда.

Вино окончательно расположило къ старику молодого человѣка.

— Подай мнѣ руку!

— На что вамъ моя рука?

— Подай!

— Извольте. Не могу понять... Я не молодой: за шестьдесятъ лѣтъ перегнулось.

Молодой человѣкъ пожалъ руку старика и сказалъ:

— Да знаешь ли что?

— Что угодно?

— Вѣдь ты—личный почетный гражданинъ.

— Точно *мишій*... живу... да небо кончу.

„Экой олухъ, ничего не понимаетъ“, подумалъ молодой Покровскій.

„Экой любопытный баринъ“, подумалъ старикъ.

— Я самъ сынъ... церковнослужителя, пробормоталъ опьянѣвшій молодой человѣкъ.

— Священника, угодно вамъ сказать?

— Нѣтъ, церковнослужителя, подтвердилъ онъ и покраснѣлъ, какъ будто бы сдѣлалъ большое преступленіе.

— Діакона?

— Нѣтъ, просто церковнослужителя...

Молодой человекъ никакъ не хочетъ сказать, что онъ тоже сынъ дьячка.

— Не могу понять—я не молодой: давно за шестьдесятъ перегнулось.

— Твоя родина, говоришь, не далеко отсюда?

— Точно. Въ двадцати верстахъ.

— Ваше село Покровскимъ называется?

— Точно, Покровскимъ.

— Тамъ молодой священникъ?

— Старый.

— Выпить любить?

— Виновать... любить.

— И порядочно?

— Изрядно.

— А какъ его зовутъ?

— Отцомъ Семеномъ.

— Фамилія?

— Любомудровскій.

— Богатъ?

— Точно, очень богатъ.

— Большой приходъ у него?

— Двѣ тысячи душъ.

— Пеняемъ. Не мудрено богатому быть. Земли при церкви много?

— Много.

— А сколько лошадей, у священника?

— Три. Иногда и больше держитъ. Онъ самъ, ихъ выкармливаетъ и наѣзжаетъ; отличныя лошадки у него удаются, рублей по сту и болѣе иногда беретъ.

— Хлѣба много высѣваетъ?

— Очень много.

— Работниковъ держитъ?

— Держитъ.

— Одного или двухъ?

— Двухъ.

— А прихожане помогаютъ ему обрабатывать поля?

— Помогаютъ.

— Въ праздничные дни?

— Въ праздничные дни.

— И за тѣбы беретъ?

— Беретъ.

— А въ святки собираетъ овесъ съ прихожанъ?

— Собираетъ.

— Порядочно насбирываетъ?

— Около сорока четвертей.

— Ты ошибся?

— Нѣтъ, точно около сорока.

— И петровщину собираетъ?

— Собираетъ.

— Сколько онъ коровъ держитъ?

— Много.

— Головъ десять?

— Больше... около двадцати.

— Будто бы?

— Лгать не буду... грѣшно, не молодой...

„Какой любопытный баринъ“, подумалъ старикъ и, взглянувъ на молодого человѣка, замѣтилъ, что глаза его блестятъ какимъ-то неопредѣленнымъ блескомъ: не то восторгомъ, не то завистью.

— Теперь я лягу отдохнуть... Подай-ка подушку на диванъ.

Старикъ приноситъ подушку и, пожелавъ баричу пріятнаго сна, удаляется. Молодой человѣкъ мечтаетъ: „Должно быть, добрый священникъ этотъ Семень Любомудровскій— такой богачъ. Непремѣнно посватаюсь за одну изъ дочерей.. Приданое можно получить хорощее. Ахъ да!“ воскликнулъ онъ, и лицо его выразило непритворный испугъ, словно онъ получилъ извѣстіе о смерти отца или, друга: „экій же я осель! Не спросилъ старика о томъ, есть ли дочери у этого священника?“

— Иванъ, кричитъ онъ.

Въ дверяхъ показывается старикъ.

— А есть дочери у Любомудровскаго?

— Есть.

Лицо молодого человѣка просіяло, словно онъ нашелъ потеряннаго отца или друга.

дѣялся встрѣтить, Ивана Ивановича, намѣревавшагося провести первый день новаго года въ Бѣлокаменной.

Едва отѣхалъ я отъ вокзала нѣсколько десятковъ сажень, какъ почувалъ погоню за собою, а за тѣмъ и окликъ „стой!“

— Не насъ ли догоняють? говорю своему извозчику.

— Нѣтъ, не насъ, отвѣчаетъ онъ и ударяетъ кнутомъ по лошади, и безъ того быстро мчащейся.

Погоня ускоряетъ ходъ съ тѣмъ же окликомъ „стой!“

— Не насъ ли догоняють? снова обращаюсь къ извозчику.

— Нѣтъ, не насъ, опять отвѣчаетъ онъ и снова ударяетъ кнутомъ по лошади, уже бѣшено мчащейся.

Я слышу храпѣніе коня, несущагося за нами, и окликъ „стой!“ Замѣчаю, что извозчикъ мой, по чему-то не желаетъ остановиться и старается ускакать отъ погони; взявъ его лѣвою рукою сзади за воротъ и опрокинулъ въ сани, а правую схватилъ возжи и остановилъ запыхавшуюся лошадь. Погоня поравнялась съ нашими санями. Конь былъ взмыленъ.

Каково же было мое изумленіе, когда въ догонявшемъ насъ я узналъ Ивана Ивановича Покровскаго. Онъ быстро выскочилъ изъ своихъ саней, сѣлъ въ мои, рядомъ со мною, и поѣхали дальше.

— Съ новымъ годомъ! привѣтствовалъ онъ и трижды поцѣловалъ меня. Есть у васъ деньги?

— Есть, отвѣчалъ я.

— Сколько?

— Сто рублѣй.

— О, добѣдемъ до дому. Я долго стоялъ у выхода изъ вокзала на улицу, надѣясь встрѣтить васъ. Почти всѣ вышли, а васъ не вижу. Думаю: „неужели не пріѣхалъ“. Обернулся, а вы уже сажень двадцать отѣхали, выйдя изъ вокзала на другую сторону. Я узналъ васъ по воротнику вашей шубы. Говорю: „Извозчикъ, что стоитъ догнать этого господина?— „Десять копеекъ“— „Пошелъ!“ Однако догнать васъ мы долго не могли. Пришлось извозчику прибавить.

Иванъ Ивановичъ кутнулъ, секретно отъ дяди, и уходилъ всѣ наличныя деньги, какія у него были; занять денегъ у дяди по чему-то не рѣшался.

По этому-то онъ и поджидалъ меня съ такимъ нетерпѣніемъ.

Выпивъ стаканъ чаю въ отведенной намъ кельѣ, я отправился осматривать достопримѣчательности Первопрестольной. Иванъ Ивановичъ не сопровождалъ меня, хотя я и просилъ его объ этомъ. Прежде всего направился въ Кремль. Тамъ любовался Царемъ-пушкой, Царемъ-колоколомъ, осматривалъ Успенскій соборъ, потомъ гробницы государей въ Архангельскомъ соборѣ, былъ и въ Благовѣщенскомъ. Послѣ отправился въ храмъ Христа Спасителя. Тамъ только что окончилась обѣдня. Митрополитъ выходилъ изъ храма, а генералъ—губернаторъ садился уже въ экипажъ. Оттуда я направился по Страстному бульвару къ памятнику Пушкина. По Бѣлокаменной ходилъ пѣшкомъ, къ вечеру очень усталъ, еле добрелъ до монастыря. Осмотрѣлъ въ теченіи дня не много, но и тѣмъ былъ доволенъ. Москву я посѣтилъ первый и единственный разъ въ жизни; пробылъ только одинъ день, проѣздомъ въ Петербургъ въ ней не останавливался.

Вечеромъ въ отведенной намъ кельѣ собрались всѣ гости преосвященнаго, его родственники, только одинъ я былъ посторонній. Въ восемь часовъ накрыли столъ: мы обѣдали предъ отъѣздомъ.

Въ числѣ гостей былъ какой-то родственникъ преосвященнаго, котораго называли его превосходительствомъ. Онъ служилъ въ послѣднюю турецкую компанію въ интендантскомъ вѣдомствѣ и состоялъ подъ какимъ-то слѣдствіемъ: вѣздъ въ Петербургъ былъ ему, по его словамъ, воспрещенъ, и онъ не разъ высказывалъ сожалѣніе, что святки ему приходится проводить въ Москвѣ. Онъ любилъ выпить, держалъ себя весьма развязно, пренебрежительно отзывался о правящихъ сферахъ, либеральничалъ.

За столомъ между прочимъ подняли вопросъ о томъ, кому и съ кѣмъ ѣхать на вокзалъ на архіерейскихъ лошадахъ.

— Я съ вами, ваше превосходительство, поѣдемъ въ каретѣ; Иванъ Ильичъ въ саняхъ, прочіе на извозчикѣ, говоритъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь къ генералу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ: мы съ Иваномъ Ильичемъ поѣдемъ въ каретѣ, вы въ саняхъ, а прочіе на извозчикѣ.

Послѣ обѣда мы отправились на вокзалъ. Первый разъ въ жизни ѣхалъ я зимою на колесахъ, да еще въ архіерей-

ской каретѣ и на его же лошадахъ. Когда остановились у вокзала, чѣны полиціи открыли дверцы кареты, помогли намъ выйти изъ нея, взяли нашъ багажъ и понесли. Одинъ изъ нихъ остался стеречь багажъ, другой пошелъ къ кассѣ за билетами для насъ. „Вотъ по платью-то встрѣчаютъ“, подумалъ я. Въ вокзалѣ мы усѣлись къ небольшому столу вблизи буфета. Поѣздъ еще не отходилъ. Генераль распорядился, чтобы подали намъ чай. Я сказалъ ему, чтобы за чай для всего общества, состоящаго изъ пяти человѣкъ, было позволено уплатить мнѣ одному: я гостилъ у ихъ родственника, такъ желалъ бы самъ угостить общество. Онъ согласился со мною. Чай подали на бѣломъ металлическомъ подносѣ, похожемъ на серебрянный, съ такими же подстаканниками. За него я заплатилъ семьдесятъ пять копеекъ, т. е. по пятнадцати копеекъ съ человѣка.

Черезъ полчаса мы изъ Бѣлокаменной уже мчались въ Ярославль.

Этимъ закончены записки Ивана Ильича Пахарева „Изъ поѣздки въ Петербургъ“.

Было два часа послѣ полудни, когда хозяинъ вернулся съ работы. Онъ сильно усталъ. Потъ такъ и катился по его лицу, выражавшему полное удовольствіе: день былъ жаркій, и Пахаревъ сметалъ два большихъ стога прекраснаго сѣна. Онъ пообѣдалъ съ нами и больше на работу не пошелъ. Теперь началось заграбание подкошеннаго сѣна въ копны; работа эта можетъ производиться жѣнщинами и въ отсутствіи хозяина.

Мы усѣлись въ березовой рошѣ и бесѣдовали на обыкновенныя темы.

— Правда ли, что Никандръ Андреевичъ Вольнодумовъ уѣхалъ въ округъ ходатайствовать о переводѣ нашего инспектора въ другой районъ? спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Слухи носятя, отвѣчалъ я.

— Жаль, если намъ придется разстаться съ такимъ начальникомъ. Странно. Въ нашемъ районѣ хорошіе инспектора долго не уживаются. Послѣ Лаврентья Михайловича Катилова судьба послала намъ Порфирія Платоновича Бояринова, человѣка отзывчиваго, сочувственно относящагося къ и сложенію нашего брата. Но не успѣли еще хорошо съ нимъ ознакомиться, какъ онъ получилъ новое назначеніе—въ гу-

бернскій городъ. Вѣроятно, его мѣтятъ въ директоры. Онъ какъ будто хорошо насъ вызналъ, хотя пробылъ въ районѣ недолго. Прощаясь со мной, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: „Я ѣду въ губернскій городъ; но дай Богъ, чтобы я нашелъ въ томъ районѣ такихъ учителей, съ какими разстаюсь нынѣ. Передайте это вашимъ сотрудникамъ, съ которыми мнѣ не удалось лично проститься. Если встрѣгнется надобность, пишите: отъ души радъ вамъ помочь, чѣмъ могу“. Онъ расчувствовался, и слезы сверкнули въ глазахъ. Въ Николаѣ Кирилловичѣ Фараоновичѣ мы встрѣтили достойнаго ему преемника. Онъ долѣе другихъ прожилъ въ районѣ, лучше насъ вызналъ, многимъ изъ насъ облегчилъ положеніе. Однажды вошелъ онъ ко мнѣ въ классъ, переполненный учащимися. Я выяснялъ трудную ариѳметическую задачу. Обыкновенно, я говорю громко, но на этотъ разъ еле произносилъ слова—надорвалъ голосъ. Добрый нашъ Николай Кирилловичъ испугался, увидя меня въ такомъ положеніи.

— Бросьте заниматься, сказалъ онъ: видите ли до чего дошли—голоса совсѣмъ нѣтъ, а еще выясняете трудную задачу.

— Ничего, пройдетъ, отвѣчалъ я: у меня голосъ теряется не рѣдко. Потомъ поправлюсь...

— Пусть-ка мальчикъ кончаетъ задачу, а вы пожалуйста со мной.

Мы вышли въ библіотеку.

— Послушайте, развѣ можно доводить себя до такой степени: вы совсѣмъ потеряли голосъ. Вѣдь можетъ, чего Боже храни, образоваться горловая чахотка.

— Богъ милостивъ: пройдетъ все благополучно... Я имѣю давно катарръ горла... Отъ сильнаго напряженія голосъ теряется, а когда отдохну, опять является чистымъ и звучнымъ.

— Я совѣтовалъ бы вамъ отдохнуть. Бросьте заниматься; я пошлю другого учителя...

— А чѣмъ же я жить буду?

— Возьмите отпускъ на годъ для поправки здоровья. Я похлопочу, чтобы окладъ содержанія сохранили за вами. А тамъ видно будетъ. Проработать въ сельской школѣ, и такой многолюдной, какъ ваша, болѣе двадцати пяти лѣтъ—не шутка. По такому труду необходимъ продолжительный отдыхъ.

— Благодарю васъ за предложеніе, но воспользоваться

имъ не могу: совѣстно будетъ получать жалованье и оставаться безъ классныхъ занятій. Вы сами увидите, Николай Кирилловичъ какъ скоро я поправляюсь.

— Дай Богъ.

— Хорошій человекъ вашъ инспекторъ, сказалъ Кадильниковъ: не всякій начальникъ съ такимъ вниманіемъ относится къ своимъ подчиненнымъ.

— Да. Но знаете ли, Иванъ Петровичъ, какую странность онъ имѣетъ, замѣтилъ я: посѣтивъ квартиру учителя, онъ стѣсняется даже стаканъ чаю у него выпить; а у себя на дому большой хлѣбосоль. Едва ли въ районѣ найдется учитель, который не пиваль бы чаю у инспектора. Иногда онъ созываетъ ближайшихъ изъ насъ въ городъ, въ свою квартиру, на совѣщаніе по школьнымъ дѣламъ. По окончаніи засѣданія всегда угощаетъ насъ обѣдомъ. Но если у кого-нибудь замѣчаетъ опущеніе по школь, журить провинившагося безъ лицепрятія. И мы не забываемся, не злоупотребляемъ его великодуніемъ: уважаемъ въ немъ добраго человека и почитаемъ хорошаго начальника.

Во время нашей бесѣды мальчикъ подалъ Ивану Ильичу письмо, доставленное сельской почтой.

— Ну, господа, произнесъ Пахаревъ: разлучаемся съ Николаемъ Кирилловичемъ. Онъ получилъ новое назначеніе: поступаетъ на постъ директора народныхъ училищъ въ одну изъ отдаленнѣйшихъ губерній. Жаль разстаться съ нимъ, да дѣлать нечего.

Вечеромъ мы выѣхали изъ поселка Пахарева, очень довольные гостепріимствомъ хозяина и его радушіемъ.

Въ началѣ августа собрались въ городѣ учителя ближайшихъ школъ на проводы Николая Кирилловича Фараонова. Мы сдѣлали складчину, купили недорогую икону Спасителя и поднесли ее на прощаніи своему другу-начальнику. При чемъ Иванъ Ильичъ прочелъ стихи, приличествующіе случаю. Николай Кирилловичъ благодарилъ насъ за дружную и плодотворную работу на нивѣ просвѣщенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРИЗНА.

(Изъ досюновъ сельскаго учителя).

Широкою лентою вьется рѣка;
Беззвучнымъ дыханьемъ порывъ вѣтерка
Рябитъ серебристую воду.
Вдали вереницей плывутъ облака,
Блуждая по синему своду.

Въ зеленой дубравѣ трепещутъ листы.
О чемъ-то таинственно шепчутъ кусты.
Смолистый костеръ на полянѣ,
Гдѣ скромно пестрѣютъ лѣсные цвѣты.
Толпятся кругомъ поселяне.

Ладья многоцѣнныхъ вещей на кострѣ;
Надъ нею нарядный шатеръ, а въ шатрѣ
Лежитъ почернѣвшее тѣло
На мягкомъ, покрытомъ парчею, одрѣ—
Въ могилѣ оно ужъ смердѣло.

Былъ княземъ воинственнымъ этотъ мертвецъ.
Изрубленъ ретивый его жеребецъ,
Воловъ безотвѣтная пара...
Собаку, пернатыхъ и пару овецъ
Постигла такая же кара.

Сѣдая старуха, заклятый злодѣй,
Что ангеломъ смерти слыветъ у людей,
Ликуя свершаетъ обряды:

И трупъ, не гнушаясь смердящихъ костей,
Рядить въ дорогіе наряды...

У трупа конь, и послушливый лукъ,
И стрѣль смертоносныхъ увѣсистый пукъ,
И щитъ, боевая сѣкира,
И мечъ, неразлучный товарищъ и другъ,
Участникъ кроваваго пира.

Плоды наливные, сосуды вина...
Но гдѣ же любимая княземъ жена?
Зачѣмъ не явилась на тризну?
Жены не имѣлъ; такъ рабыня одна
Пойдетъ съ нимъ въ другую отчизну.

Разставшись съ семьей черноокихъ сестеръ,
Какъ бѣлая лебедь вошла на костеръ
Дѣвица высокаго роста,
Тревожно взглянула на пышный шатеръ:
Тамъ „ангелъ“ хлопочетъ не проста.

У ней порасчесана гребнемъ коса,
Лоснятся отливомъ, какъ шелкъ, волоса;
Глаза безпокойствіемъ блещутъ;
А снѣжныя груди—дѣвичья краса,
Какъ птички въ неволѣ, трепещутъ.

Подруги подносятъ ей чашу вина.
Дѣвица ее выпиваетъ до дна,
Пьянѣетъ отъ влаги кристальной;
Прощальную пѣсню заводитъ она,
Пѣснь льется струею хрустальной.

Звучать въ ней порывы къ духовной борьбѣ,
Желанье спастись и покорность судьбѣ,
Отрава послѣдней разлуки;
И горечь удѣла, что выпалъ рабѣ,
И смерти насильственной муки.

Злодѣйка-старуха идетъ изъ шатра:

„Ну, что тутъ распѣлась? Кончатъ ужъ пора!“

Сказала съ улыбкою злобной:

„Спѣши къ господину и встань у одра...“

„Натѣшишься въ жизни заgrabной.“

„Тамъ будешь считаться княгинею ты—“

„Князь ищетъ давно ужъ твоей красоты“...“

И съ жертвой покончить рѣшили.

Дружина ударила звучно въ щиты,

Чтобъ стоны дѣвицъ не страшили.

И ангель-старуха, какъ глазомъ моргнуть,

Вонзила булатъ въ бѣлоснѣжную грудь,

И кровью покровъ обагрила...

„Ну, князь“, говоритъ, и меня не забудь—“

„Невѣсту тебѣ подарила“.

Съ мольбой зажигаютъ костеръ смоляной.

Вдругъ вѣтеръ нахлынулъ могучей волной;

Взвилось, какъ роскошное знамя,

Надъ щедрою жертвой въ полянѣ лѣсной

Широкое, жадное пламя.

Свершилось. Священный огонь ужъ потухъ.

Оружіе, конь, и волю, и пѣтухъ,

И нѣжное женское тѣло—

Все въ рай, гдѣ блаженствуетъ княжескій духъ,

На службу къ нему отлетѣло.

„И будетъ нашъ князь тамъ несчетно богатъ:

„Настроить судовъ и роскошныхъ палатъ—“

„Рѣкою польются доходы...“

„Познаютъ враги беспощадный булатъ,

„Какъ вздумаетъ выйти въ походы“.

Ведутъ поселяне такой разговоръ,
Толпой насыпая высокій бугоръ,
На память потомкамъ отчизны,
На мѣстѣ, гдѣ былъ ихъ великій костеръ
Съ священной жертвою тризны.

П. Вересовъ.

КАРТИНКА.*)

I.

„По постановленію Училищнаго Совѣта отъ такого-то числа Вы, Милостивый Государь, увольняетесь отъ должности учителя сосновицкаго училища.“ Эта бумага выбивалась изъ колеи деревенскаго работника и вынуждала бросать насиженный уголь.

Въ день отъѣзда собралось въ Сосновку все окрестное населеніе. Ребятишки забрались чуть свѣтъ и подняли на улицѣ возню. Болѣе солидное населеніе густо разбѣстилось по избамъ. Настроеніе было неопредѣленное. Особенная растерянность была у школьниковъ и читающихъ крестьянъ, которые черпали свѣтъ и знаніе черезъ Александра Ивановича.

— Ну, что мы станемъ теперь дѣлать? спрашивали они, сидя въ учительской квартирѣ.

— Зачѣмъ это Вы насъ бросаете?

Александръ Ивановичъ въ угѣшеніе указывалъ на свою замѣстительницу Юлію Николаевну. Это была совсѣмъ юная дѣвица и была тоже на проводахъ. Въ квартирѣ былъ форменный содомъ переѣзда, однако это никого не стѣсняло. Не до квартиры было... Крестьяне, благодаря Александру Ивановичу, стали почитать, стали обсуждать читанное и мало по малу переходили изъ жизни физиологической въ жизнь сознательную, умственную. Въ перспективѣ уже сіяло царство свободнаго ума, сознательнаго труда, альтруистической морали. Все это казалось должно было сгнуться отъ одного случайнаго вѣтерка. И горько и больно и нехорошо!

— Такъ, дядя Михайло, стало быть изъ за личечковъ уѣзжаетъ А. И. ? Спрашивалъ молодой парень рыжебородаго краснобая.

*) См. „Отклики народнаго“ учителя и его досуги, „МЛ“ 7—8¹ ст. „Для пользы службъ.“

— Знамо изъ за нихъ,—озвѣрѣлъ Михайло. Не будь ихъ—все шло бы по хорошему...

— Листочки то эти, братъ, съ крестомъ...

— Ихъ, братъ. и батюшка въ церкви раздавалъ. А Александръ Ивановичъ ихъ, значить, забраковалъ. Все, говоритъ, въ нихъ вранье и самое, говоритъ, лучшее жечи эти листочки, а не читать.. Самъ, вишь ты, умнѣе захотѣлъ быть и началъ свои листки и книжки раздавать... Ну и вышло не ладно!..

— Вотъ они дѣла то!..

— Что, ребята, ни говори, вмѣшался третій мужикъ, а жалко человѣка... Хорошій былъ парень... Такой парень, что и не нажать, кажись, такого отъ роду...

— Эхъ, бывало, пожили! восторженно отозвался изъ угла молодой крестьянинъ. Идешь къ нему, голова, какъ къ своему брату. Все-то, все расскажетъ, раздробить. Долбитъ онъ долбитъ иной разъ, нанъ обидно станеть на свою пустую башку, а онъ хоть бы что! Все таково терпѣливо, таково вѣжливо объясняетъ. Новая-то кажется, не гово сословія... Да кто къ ней и пойдетъ? Безнадежно кончилъ мужикъ и потрянулъ лохматою головою.

— Что толковать, хорошій былъ человѣкъ, согласилась компанія и тоскливо замолчала...

Среди бабъ настроеніе было нѣсколько сантиментальнѣе и тамъ съ большимъ оживленіемъ и любопытствомъ обсуждались всѣ мелочи изъ наблюденій надъ новой учительницей...

— Ой, дѣвонька, да ужъ неча врать, и эта похожая похожая.***) Вотъ ни на эстолью не спѣсивая, толкуеть со сновская молодуха бабамъ изъ другихъ деревень. Пришли это мы къ ней въ квартиру. Что, говоритъ, милая надо? Тебя, молъ, пришли, кормилица, посмотрѣть... Усмѣхнулась это она столь да миловидно и говоритъ намъ на отвѣтъ: Посмотрите, посмотрите... Намъ, говоритъ, надо знакомиться... Вмѣстѣ жить приходится. Ходите ко мнѣ посидѣть, потолковать. Совсѣмъ, дѣвоньки, не спѣсивая! Эдакая же похожая, какъ и Александръ Ивановичъ. Лежу это я ночесъ, да и думаю. Хорошо бы и Александръ Ивановичъ остался, и эта новая... Вотъ бы, дѣвки, жизнь, вотъ жизнь!!

**) Похожій—развязный, не гордый, несчастливый.

— Ишь удумала! безнадежно вздохнула одна из слушательницъ, гдѣ ужь! Я такъ думаю: и Сашенька самъ уѣзжаетъ. Никто его вѣкъ не переводить. Станетъ ли такой хорошій человекъ жить съ нашимъ братомъ... Мы вѣдь што? Мы ножки его не стоимъ.

Поразъ***.—приходила я за своимъ царнишкомъ, а онъ голубчикъ, А. И., ровно-то вотъ курочка съ цыпляточками, сидитъ съ ребятишками-то на лужку, да и рассказываетъ имъ. Я, дѣвоньки, глядѣла, глядѣла, да лишь, какъ дура, какъ зареву! Столь ли ужь любо мнѣ смотрѣть-то на нихъ нашихъ баловниковъ. Онъ это вскочилъ, да ко мнѣ, знаешь вѣдь какой онъ быстрый. Что, тетушка, плачешь? Али что неладное случилось? А ужь какое тутъ неладное? Вотъ какъ, думаю, любятъ его ребятишки; не то что отца, да мать.

— И любятъ же его, заговорили разомъ бабы, высказывая назрѣвшія неясныя чувства, вдругъ пріобрѣвшія для всѣхъ опредѣленность и строгую рельефность. И то сказать—все-то онъ съ лаской, безъ грубаго слова, мягко. А дома, то сама дашь подзатыльника, то отецъ огрѣветъ черезъ дельникомъ...

Между тѣмъ неизмѣнный кучеръ Михайло подѣзжалъ къ училищу.

— Ой, знать што, сейчасъ поѣдутъ, всполошились бабы и толпой высыпали на улицу. Ребятишки уже толпились около саней... Мужики небольшими кучками тоже выходили изъ избъ.

Отсутствіе развлеченій въ деревнѣ изъ каждаго особаго среди сѣрой жизни дня дѣлаетъ свою историческую эру. Отъѣздъ Александра Ивановича неминуемо долженъ былъ сдѣлаться этой эрой и раскрывалъ передъ Юліей Николаевной всю трогательную и наивную любовь населенія къ интеллигентному труженнику, заслужившему передъ сѣрымъ мужикомъ довѣріе. Ея сердце при очевидной оцѣнкѣ чужого труда забилось сильнѣе и чаще. Ей самой захотѣлось (раздѣлить этотъ триумфъ, урвать хоть небольшую его долю и заручиться на первое время симпатіями населенія.

Самъ Александръ Ивановичъ говорилъ молодымъ кре-

***) Поразъ—однажды.

стыянамъ,—тѣмъ, что находился въ квартирѣ: „Помните и не забывайте моихъ словъ. Для одного брюха жить чужовѣку стыдно. Человѣкъ не животное: у него есть душа. Для души тоже нужно что-нибудь. Вотъ и читайте книжки, думайте надъ ними! Чего не поймете, къ Юліѣ Николаевнѣ приходите. Она съ удовольствіемъ Вамъ растолкуетъ. Правда, Юлія Николаевна?“ Обратился онъ къ учительницѣ. Та, вся охваченная невиданнымъ зрѣлищемъ и массой новыхъ впечатлѣній, находилась точно во снѣ и очнувшись уронила только: „ну, конечно!“ не зная толкомъ, о чемъ ее спросили.

— Мы теперь, Александръ Ивановичъ, ужъ и сами понимаемъ, что мало для человѣка думать о кормѣ, да о скотинѣ—нужно что-то иное. Старики говорятъ, что нужно Богу молиться, да книжки хорошія читать... Чтожь? Мы отъ того не отвертываемся. Только можно вѣдь и другія книжки читать. Мало ли хорошихъ книжекъ? Такъ бы кажется и закупилъ ихъ много, много и все бы хорошихъ и сталъ читать... Да кто же ихъ знаетъ—хорошая она или худая? Думаешь хорошая, а Вы вонъ рвать да жечь велѣли. Мы Вамъ то вѣримъ. И сами теперь видимъ, что не стоятъ на нихъ время тратить. Ихъ у насъ развозитъ Прокопьевичъ, который скотину закупаетъ. Хорошія, говоритъ, книжки. И мужики читаютъ, да еще хвалятъ: Вотъ, молъ, какія справедливыя книжки! А чего тутъ хорошаго? Того бей, другого бей, а за что спрашивается? за то, что народъ смущаютъ. Это у нихъ называется „народъ смущать“, коли насъ дураковъ уму разуму учать. Сѣры мы, очень сѣры, Александръ Ивановичъ, не знаемъ, какъ безъ васъ и жить будемъ...

А. И. началъ взволнованно прощаться. Мужики совершенно растерялись и вмѣсто помощи Михайлу вездѣ только мѣшали. Все у нихъ вдругъ оказывалось лишнимъ—и руки и ноги.

Оригинальные по сочувственности проводы волновали и Юлію Николаевну. Ей хотѣлось бы поговорить тепло и хорошо съ Александромъ Ивановичемъ но безъ народа. Позировать ей было стыдно, а тутъ проводы дружной толпой горячо любимаго человѣка. Этого человѣка нельзя отнять ни на минуту отъ толпы, потому что съ той и другой стороны дорогъ каждый моментъ.

На улицѣ послышался вой ребятишекъ и грозные окли-

ки матерей. Александръ Ивановичъ глянулъ въ окно на эту простосердечную толпу, любящую его безкорыстно, и невольно подумалъ: „Точно покойника провожаютъ“. Сердце больно сжалось предчувствіемъ какой-то гадости. „Ну, желаю счастья“, заговорилъ онъ, когда всѣ мужики вышли изъ квартиры и крѣпко стиснулъ руку учительницы.

— Спасибо, уронила та.

— Работайте—не робѣйте! Перемелется—все мука будетъ! Только простите меня, если я на прощаньи дамъ товарищескій совѣтъ... Не увлекайтесь, ради Бога, модными теоріями и фразами, а выработайте себѣ свой методъ народнаго образованія. Избѣгайте пожалуйста всѣхъ „жупеловъ“. Повѣрьте мнѣ, что „жупель“ не однимъ московскимъ купчихамъ страшенъ. Страшенъ онъ и нашему мужику. Видали каковъ онъ здѣсь самъ въ себѣ?... Ну, а видали, такъ и толковать нечего! Всѣ эти муниципализаціи, социализаціи, націонализаціи ему даромъ не нужны. Скажите ему просто и честно, во что сами вѣрите. Отдайте ему свою собственную душу. Что-то у меня на проповѣдь смахиваетъ, спохватился учитель, ну да все равно... Словомъ я хочу Вамъ по-товарищески сказать: Не вводите въ деревню партійнаго антагонизма. Не огорашивайте мужика громкими фразами и не скрываете за ними пустоты содержания.

— А, вы вонъ про что! протянула слушающая все время учительница. Я не дѣвченка—въ куклы не играю..

— Извиняюсь, извиняюсь;—вижу, что обидѣлись.. Видите? кивнулъ онъ въ окно. Громче книжныхъ фразъ говорятъ вотъ такія картинки... Овація своего рода, ну ладно... Только здѣсь былъ одинъ характерный фактикъ. Приѣхалъ изъ города ораторъ и давай сыпать передъ мужиками. Господи ты Боже мой! Чего тутъ и не было: муниципализація, социализація, трудовая норма, орудія производства и проч. и проч... Мужики въ началѣ думали-имъ заговоръ отъ лихоманки сообщаютъ. Потомъ вздумали было бить, да за урядникомъ... Ладно мнѣ сообщили—удалось замять дѣло. Послѣ мнѣ же и пришлось все снова расголковать. Умѣло и тонко нужно вести дѣло народнаго просвѣщенія. Называйте вещи своимъ именемъ, прислушивайтесь къ тайнымъ думкамъ мужика, играйте на его сердечныхъ струнахъ. Залѣзете къ нему въ душу—сдѣлайтесь для него нужной, цѣнной, необхо-

димой и дорогой, и тогда... Тогда этот сермяжный лапотникъ будетъ вамъ и понятенъ и милъ.

Александръ Ивановичъ вышелъ на улицу и сталъ прощаться съ публикой. Мужики были сосредоточенны и угрюмы. Бабы и ребята, не стѣсняясь, ревѣли и высказывали самыя лучшія пожеланія. Много труда стоило учителю, чтобы не зарыдать самому. Наконецъ Михайло тронулъ лошадь. Толпа всей массой двинулась провожать.

„Точно за покойникомъ,“— сверлило въ мозгу у Александра Ивановича. Картина проводовъ была дѣйствительно потрясающая. Въ головѣ вертѣлся цѣльный рой свѣтлыхъ мыслей, кипѣли хорошія чувства, а языкъ безсильный и нелѣпо тяжелый лежалъ во рту. Только слезы противъ воли грузно падали на одѣяло. За околицей Михайло остановился. А. Ив. еще разъ со всѣми простился, перецѣловалъ кое-кого изъ ребятшекъ и проворно бросился въ сани. «Гони скорѣй!» крикнулъ онъ Михайлѣ, а самъ уткнулся лицомъ въ подушку и судорожно зарыдалъ. Такъ рыдаютъ только молодые мужчины. Тяжелы эти рыданія: не освѣжаютъ они душу, а разбиваютъ...

— Экъ ихъ! все еще не ушли, ворчалъ Михайло; Александръ Ивановичъ, взгляните еще разокъ: сейчасъ пойдетъ лѣсъ.

Александръ Ивановичъ обернулся на знакомую деревню послѣдній быть можетъ разъ въ жизни. Эта занесенная снѣгомъ деревушка казалась столь дорога, столь мила, что готовъ бы все отдать за нее и ей. Проклятія кипѣли въ душѣ на того, кто насильно вторгнулся въ жизнь мирныхъ обывателей. Толпа еще не уходила и жадно слѣдила за удаляющимися санями. А. И. поднялся и махнулъ платкомъ. Изъ толпы замаячили шапками и просто руками. Впереди стояла какая-то баба и широко крестила путниковъ.

— Кто это? спросилъ учитель.

— Анютка, пробормоталъ Михайло и началъ со злостью стегать лошаденку...

Началась скучная, длинная, лѣсная дорога безъ просвѣту сзади и спереди.

II.

Въ городѣ Александръ Ивановичъ останавливался у учителя городского училища. Это былъ добродушнѣйшій,

мягкій человѣкъ, насмѣшливо относившійся ко всѣмъ благимъ начинаніямъ начальства. „Чтожь-хорошее дѣло“, говорилъ онъ и прибавлялъ: „Благими пожеланіями, говорятъ, вымощенъ адъ“. Послѣ такой отповѣди становилось какъ-то неловко, но адъ оказывался вымощеннымъ и потуги начальства умирали самой естественной смертью.

Жиль Степанъ Никоноровичъ на небольшой учительской пенсіи. Немного добавлялъ работой въ педагогическихъ журналахъ, такъ что вдвоемъ со своей старушкой они могли прожить и безбѣдно и независимо. Изрѣдка оба прихварывали, но въ общемъ настроеніе было мирное и довольное: тѣмъ болѣе что молодежь учительская ихъ любила и стремилась подъ ласковый кровъ стараго педагога, столь же сердечнаго, сколь и умнаго, и его старой жены.

— А! наши наѣхали! привѣтствовалъ Степанъ Никоноровичъ Александра Ивановича.

— Не ваши, а свои,—отозвался тотъ, входя въ знакомый кабинетъ.

— Али совсѣмъ прогнали? Не развращай, значитъ, народъ. Что же собственно у васъ вышло, интересовался хозяинъ. Я слышалъ мелькомъ, что были доносы, что инспекторъ поднималъ о васъ вопросъ въ Училищномъ Совѣтѣ, а откуда все сіе—такъ и не узналъ.

— Откуда-то сіе, я и самъ не знаю, дорогой Степанъ Никоноровичъ. Знаю вотъ, что уволенъ. Это знаю!

— Скверно,—задумчиво вставилъ хозяинъ.

— Да еще какъ,—подтвердилъ Александръ Ивановичъ. Теперь, должно быть, придется чистить зубы...

— Чтожь, потомъ будете на нихъ любоваться? Это не дѣло, Александръ Ивановичъ. Нужно работать, искать работы... А теперь это не легко... да. Эдакая оказія право! волновался Степанъ Никоноровичъ и по учительски съ развальцемъ бродилъ по кабинету.

Черезъ полчаса пріятели сидѣли ужъ за чаемъ и подогрѣвали себя отечественной. Сама хозяйка хворала и квартира была объявлена на холостомъ положеніи...

— Знаете ли, старческія недомоганія—не стоитъ обращать вниманіе, успокоивалъ хозяинъ гости. А Михайло и на кухнѣ напьется, сколько душенькѣ угодно. Здѣсь ему пришлось бы молчать и слушать насъ, а тамъ онъ самъ ораторствуетъ...

Такъ то! Такъ дѣвица, говоришь, пріѣхала? Это хорошо!

— Чѣмъ это? спросилъ Александръ Ивановичъ; закуривая;

— Хорошая нынѣ дѣвица пошла. Почти сплошь хорошая! Новая женщина нарождается—нужно помочь ей опредѣлиться... Да, я и забылъ было, спохватился старикъ. Маню выпустили подъ залогъ; пока она здѣсь...

— Вотъ какъ! обрадовался Александръ Ивановичъ. Кто же могъ поручиться за нее?

— А, обрадовался! Увидишься! Оба теперь отставные! Мнѣ-то горе съ вами—ребятишками. Эхъ я старый, старый! Палка по мнѣ давно плачетъ, а туда же... къ молодежи. А и люблю я васъ, неожиданно закончилъ старикъ.. Хорошая пора! Хотѣлъ было и ее пожурить, такъ нѣтъ! Языкъ видишь ли не поворотился. Проклятая тварь, и онъ-то перестаетъ повиноваться..

Александръ Ивановичъ засмѣялся и проговорилъ:

— Нѣтъ ужъ, Степанъ Никоноровичъ, должно быть на старости лѣтъ себя не передѣлать.

— Должно быть такъ, соглаеился ховяинъ. Да, ты вѣдь спрашивалъ: кто Маню взялъ подъ залогъ? Такъ буржуй одинъ. Хорошій человекъ,—богатый.

— Да я спрашивалъ, а потомъ и самъ забылъ. Такъ я радъ, что она на свободѣ, что взялъ бы да и натворилъ кучу мальчишескихъ глупостей...

— То кровь кипитъ, то силъ избытокъ, продекламировалъ шутливо Степанъ Никоноровичъ. А кончится этотъ поэтический восторгъ тѣмъ, что напьешься самымъ прозаическимъ образомъ. Впрочемъ, это не важно, а важно вотъ что. Некрасовъ бичевалъ современниковъ: „суждены вамъ благіе порывы, а свершить ничего не дано“... Вы, какъ *будто*, дѣло дѣлаете. Свѣжій вы народъ, горячій, работоспособный... Деревня вѣроятно ревѣла, какъ поѣхалъ? Да,—вѣдь?

Гость утвердительно кивнулъ головой.

— Ну вотъ видишь! А эти наши чиновники рѣшили, что ты совершенно не нуженъ этой деревнѣ. Маньку тоже отсидили отъ мужиковъ. Ей теперь до суда назначили половину учительскаго оклада, только безъ права заниматься въ школѣ. Хорошая, чортъ ихъ возьми, политика!. Скажите пожалуйста: чѣмъ все это кончится? Деревня сѣра, темна, груба, некультурна, —а гдѣ, позвольте мнѣ васъ спросить, взята

эту самую культуренность? Кто хочет ее садить, того въ тюрьму или долой. Кто не хочет садить, тотъ ни черта и не дастъ. „Э-ахъ, придетъ ли времячко (приди, приди, желанное!), когда мужикъ не Блюхера и не милорда глупаго, а Гоголя, Бѣлинскаго съ базара понесетъ“.

Степанъ Никоноровичъ очень любилъ Некрасова и въ разговорѣ часто его цитировалъ. На этотъ разъ отчаянный Некрасовскій вопль точно придавилъ его и онъ угрюмо замолчалъ. Александръ Ивановичъ тоже молчалъ подь смѣной новыхъ впечатлѣтлвнй. Всѣ городскія новости не обѣщали ничего хорошаго. Массовые аресты и обыски. Изъ деревень учителей везутъ въ тюрьму. Появилась масса предложенія труда интеллигентнаго, тогда какъ спросъ на работниковъ не повысился...

— Да, сѣръ нашъ мужикъ, сѣръ и съ подлинкой, заговорилъ снова хозяинъ. Вотъ хоть бы содержаніе учителя онъ до сихъ поръ кичливо относить на свою шею. Мы, дескать, всѣхъ кормимъ,—безъ насъ всѣ бы съ голоду подошли. А много ли съ нихъ идетъ на учителей и на школы—просто срамота одна! Стыдно сказать! Того-то даже не поймутъ, что имъ-то учитель даетъ за ихъ гроши. Въ семи квасахъ надо варить еще нашего мужика... выжать, да посмотрѣть: не гождъ—опять варить. Тогда тлько и можно ждать чего-нибудь путнаго. Ты вотъ вѣроятно все, что могъ, тамъ устраивалъ; и ребятъ и взрослыхъ училъ. Организаторомъ борьбы съ кулаческой эксплуатаціей былъ, а продалъ тебя—навѣрняка скажу—все лаки мужикъ. Что ему сѣрму чорту дѣляется? Ему все равно! Напоятъ водкой, да денегъ сунуть—на что угодно пойдетъ. Послѣ еще и похвалится: Вотъ какъ, скажетъ, мы учителя то сжили! Полетѣлъ! Оно и правда. Кому ты ужъ очень неприятеь, тотъ пошепчется съ тѣмъ, пошепчется съ другимъ и—доносъ готовъ. Да! Теперь это легко. Написалъ да заподозрилъ. Книжки даетъ, собранія устраиваетъ и т. д. Просто, гадко вспоминать. А дѣло-то изъ подобной дряни выходитъ поганое... Ты небось не догадался поговорить съ мужичками о прямыхъ и косвенныхъ доносахъ? Нѣтъ вѣдь?

— Какъ не говорилъ,—конечно говорилъ!

— „Конечно говорилъ“, передразнилъ хозяинъ гостя. Ты слышалъ ли о чемъ я тебя спрашиваю-то?

— О налогахъ—огрызнулся гость.

— Такъ и есть! весело захохоталъ Степанъ Никоноровичъ. Не о налогахъ, а о прямыхъ и косвенныхъ доносахъ идетъ рѣчь. Мужикъ, говорю, на тебя всѣ доносы дѣлалъ... Насолили ты тамъ кому-нибудь, ну онъ и тово...

— Былъ тамъ кулакъ одинъ. Я его подозреваю.

— Чтоже, сторону угнетеннаго класса принялъ, помогалъ совѣтами вѣроятно? иронизировалъ хозяинъ.

— Маслодѣлъ онъ и, конечно, эксплуатируетъ. Я поговорилъ кой-кому. Мужики видятъ: дѣло подходящее, его въ цѣнѣ на молоко и поприжали... Э, да много всякой дряни на бѣломъ свѣтѣ водится,—не стоитъ и говорить, закончилъ Александръ Ивановичъ и, махнувъ рукой, сосредоточенно и злобно принялся курить.

— Какъ это не стоитъ? возразилъ Степанъ Никоноровичъ. Очень даже стоящая штука! Теперь-то и поговорить, а тамъ другіе вопросы на очередь выплывутъ. Теперь-то мы, какъ видишь, ни на что другое и неспособны, вотъ и подходящій моментъ въ грязи копаться. Настроеніе самое подходящее— въ родѣ какъ бы кисло-сладкое. Какъ разъ о такихъ матеріяхъ говорить...

— Не стоитъ,—лѣниво протянулъ гость. Какъ-нибудь послѣ. Мнѣ съ дороги спать хочется.

— Если такъ, то да—не стоитъ, согласился старикъ. Диванъ къ твоимъ, батенька, услугамъ.

— А вы куда?

Я, братъ, не спать, а куда нибудь пройду. Пройду хоть къ Манькѣ. Порадую ее благополучнымъ твоимъ приваломъ. Авось полегчаетъ. И носится же она съ тобой, прости Богъ, какъ съ писанной торбой. Только и свѣту въ глазахъ, что Александръ Ивановичъ, да Александръ Ивановичъ. Право, кажется, она не шутя тебя считаетъ очень умнымъ человѣкомъ, прямо недюжиннымъ,—а? Чтожь, пожалуй, вѣдь она и права, какъ ты думаешь?

— Пожалуй, права, апатично отвѣтилъ Александръ Ивановичъ. Я самъ иногда такъ же думаю о себѣ...

— Гордость это, самомнѣніе, или случайныя мысли? продолжалъ допрашивалъ Степанъ Никоноровичъ, добродушно улыбаясь.

— Не знаю... Спать хочу. Иди что ли къ Манѣ, да та-

щи ее вечеромъ сюда. Вѣроятно патентованнымъ борцомъ
ужь себя ститаетъ... Публика тоже!

— Ну, братъ, не язви,—осердился старый учитель. О
другихъ, какъ хочешь говори, а о Манькѣ не мочи! Я тебѣ
этого не позволяю. Слышишь: *Я не позволяю!*

— Иди, иди, примирительно заговорилъ молодой учитель.
Будетъ время-то продолжать.

— Уйду, сейчасъ уйду. Только о Манѣ, братъ, такъ не
годится говорить. Она и вправду вѣдь борець. Пожалуй
почище насъ съ тобой. Спи же—я пошелъ,—закончилъ онъ и
вышелъ изъ кабинета предоставивъ гостю полный покой отъ
продолжительной дороги.

Копчикъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

на журналъ „Отклики народнаго учителя
и его досуги“.

Журналъ служить для обмѣна мыслей между учителями низшей и начальной школы. Въ немъ печатаются только статьи учителей и учительницъ (настоящихъ и бывшихъ) училищъ начальныхъ всѣхъ наименованій и городскихъ по положенію 1872 года. Отъ постороннихъ принимаются лишь письма въ редакцію по поводу помѣщенныхъ уже въ журналѣ корреспонденцій.

Подписная цѣна журнала **четыре рубля** въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Учителя и учительницы приглашаются заблаговременно присылать свои статьи по вопросамъ, интересующимъ народнаго учителя, сообщенія о выдающихся явленіяхъ въ жизни народнаго школы, разборы вновь выходящихъ книгъ для употребленія въ народныхъ училищахъ, воспоминанія, записки, дневники и т. п.

Каждая статья должна быть снабжена подписью, подъ которою авторъ желаетъ опубликовать ее (полная фамилія, инициалы, псевдонимъ и т. п.), и сверхъ того къ ней должно быть приложено (для свѣдѣнія редакціи) сообщеніе объ имени, отчествѣ и фамиліи автора и его почтовомъ адресѣ. Безъ соблюденія этого условія рукописи не только печататься, но даже и просматриваться редакціей не будутъ. Разборы вновь выходящихъ книгъ будутъ печататься только за подной подписью авторовъ.

Статьи и подписныя деньги слѣдуетъ адресовать: въ Вологду редактору—издателю журнала „Отклики народнаго учителя и его досуги“ **Аванасію Федоровичу Знаменскому**.

Имѣя въ виду понижать подписную цѣну журнала по мѣрѣ его распространенія, мы въ видѣ переходной мѣры къ значительно пониженной цѣнѣ предлагаемъ нашимъ подписчикамъ слѣдующее:

1. Подписавшіеся до 31 Декабря на оба года (1907 и 1908) присылаютъ за оба года *семь рублей*.

2. При одновременной подпискѣ изъ какого—нибудь уѣзда (черезъ инспектора, черезъ земскую управу или черезъ кого-либо изъ учителей) на двадцать пять экземпляровъ или болѣе высылается по три рубля (адресы подписчиковъ слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ присылать въ особомъ письмѣ). Названія такихъ уѣздовъ будутъ публиковаться, и затѣмъ ужъ и отдѣльные подписчики изъ этихъ уѣздовъ высылаютъ по три рубля.

Мы надѣемся, что впоследствии можно будетъ еще понизить цѣну. Все зависитъ отъ числа печатаемыхъ и рассылаемыхъ экземпляровъ.

Редакторъ—издатель **А. Знаменскій**.

СЕМЕЙНЫЙ ГРѢХЪ.

(Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка).

Повѣсть.

Учителя Павла Вересова.

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГА.

Приложеніе къ журналу
„Отклики народнаго учителя и его досуги“
1907 года.

I.

Моя мать воткнула иголку въ швейку и, скрестивъ на груди руки, задумалась о чемъ-то. Не много радостныхъ дней выпало на ея долю съ тѣхъ поръ, какъ выдали ее замужъ. Въ семьѣ ея не любили и не уважали, хотя она была достойна уваженія: она была примѣрная работница, заботливая хозяйка, любящая мать, добрая сосѣдка, не терпѣвшая сылетенъ, сочувствовавшая чужому горю, словомъ—была вполне порядочная крестьянка. Но она имѣла и нѣкоторыя странности: кромѣ «*Господи, помилуй*» не знала ни одной молитвы, не потому, чтобы не старалась заучить ихъ, а при всемъ желаніи не могла запомнить, хотя и очень усердно повторяла вслѣдъ за отцомъ, или за кѣмъ-нибудь изъ насъ, ея дѣтей, «*Богородицу*» и «*Отче нашъ*»; не могла отличить гроша отъ копейки, счета на серебро вовсе не понимала, считала по-старинному—алтынами; деньги у ней въ рукахъ бывали очень рѣдко. Она была очень довѣрчива, и мальчики не рѣдко подсмѣивались надъ послѣднимъ ея качествомъ, благодаря которому считали ее глуповатою. «Тетка Улита», бывало, скажетъ ей какой-нибудь шалунъ съ серьезною миною: «село Трубачево сгорѣло!» И она повѣритъ, соболѣзнуетъ о погорѣльцахъ, а шалунъ разразится смѣхомъ. Она же ему скажетъ: «Ой, глупенькій, зачѣмъ ты учишься обманывать? грѣхъ, не хорошо обманывать». — И не сердится.

Въ молодости считалась замѣчательною красавицей; обладала несокрушимымъ здоровьемъ: она не бывала на столько хворою, чтобы не могла выйти на полевые работы. Желѣзнаго здоровья ея не сокрушили и побои, наносимые ей мужемъ, моимъ отцомъ, побои, которымъ она часто подвергалась; а пощечины и зуботычины получала иногда чуть-ли не ежедневно. Кто бы

ни грѣшили въ семьѣ—все она виновата. Разъ золовка ея, моя тетка, секретно угощала близкаго ей человѣка; послѣдній раскуражился и перебилъ посуду. Тетка, желая избѣжать гнѣва дѣдушки, ея отца, пожаловалась ему, что будто-бы мать моя по неряшеству сожгла посуду въ печи, куда чашки и поставцы были положены для просушки. Маму жестоко побили, хотя она увѣряла божбой, что никакой посуды не жгла и не била. Она не могла понять безпричинной ненависти, которую къ ней питали члены семьи; предполагала, что злые люди «испортили семейство» ворожбою и, по пословицѣ «клинь клипомъ выгоняй», обращалась за помощью къ знахаркамъ; но послѣднія не помогли, и она рѣшилась терпѣть до конца.

Шли годы. Тетки вышли замужъ, дядю сдали въ солдаты. Отецъ пересталъ тиранить маму: ему никто не жаловался на нее. Онъ наносилъ ей побой въ угоду сестрамъ своимъ, брату и отцу, которымъ угождалъ всѣми силами, желалъ чтобы и мама также угождала, терпѣливо выносила-бы всѣ нападки, хотя-бы они были и несправедливы; самъ онъ никогда и ничѣмъ не оскорблялъ своего родителя, моего дѣдушку. Поэтому, какъ только выбыли изъ семейства дядя и тетки, ссоры прекратились, и мамѣ свободнѣе дышалось. Но черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся изъ военной службы мой дядя, и снова жизнь мамы измѣнилась къ худшему.

Дядя Прохоръ—человѣкъ вспыльчивый; къ дѣдушкѣ относится не съ такимъ почтеніемъ, какъ мой отецъ. Но дѣдушка Федоръ, извѣстный строгостью во всемъ околоткѣ, снисходительно смотритъ на выходки сына Прохора, иногда очень безобразныя и вредныя.

Однажды дядя въ нетрезвомъ видѣ разогналъ тройку лошадей и направилъ ее прямо на отводъ, котораго ему не хотѣлось отворять: отводъ вылетѣлъ; правая пристяжная ударилась головою въ столбъ и убилась; чрезъ уничтоженный отводъ вошелъ скотъ въ хлѣбное поле крестьянъ сосѣдней деревни, и дѣдушкѣ пришлось платить за потраву; убытокъ въ общемъ былъ болѣе ста рублей. Но что же? Онъ пожурилъ своего любимца, и только. Иначе онъ поступилъ съ моимъ отцомъ, когда тотъ, убирая пшеницу изъ отдаленной поляны, по оплошности заѣхалъ въ оврагъ и поломалъ колесо: дѣдушка изрядно побилъ его дубиной. Можетъ быть, дѣдушка потому такъ былъ снисходителемъ къ дядѣ Прохору, что считалъ себя нѣ-

сколько виноватымъ относительно послѣдняго.

До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости дѣдушка былъ старостой въ деревнѣ по волѣ помѣщика, проживавшаго въ Москвѣ. Объявили рекрутскій наборъ. Съ деревни требовался одинъ рекрутъ. Баринъ написалъ старостѣ, чтобы онъ сдалъ въ рекруты, кого желаетъ, по своему усмотрѣнiю, о чемъ дѣдушка и объявилъ на сходѣ. Дрогнули молодые парни. Посовѣтовавшись со стариками, онъ назначилъ къ отдачѣ одного изъ трехъ сыновей сосѣда; но назначенный оказался нездоровымъ, его забраковали; братьевъ его тоже нельзя было сдать: одинъ старъ, другой молодъ. Въ деревнѣ были еще два семейства, изъ которыхъ каждое имѣло двухъ братьевъ, годныхъ къ отправленiю повинности; но они уже были женаты и имѣли дѣтей. «Нельзя-же отнимать отца у дѣтей—грѣхъ», рѣшилъ староста; «ступай ты, Прохоръ, послужи Богу и Царю—по тебѣ не будутъ плакать ни жена, ни дѣти», добавилъ онъ, обращаясь къ сыну.

Можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, дѣдушка и глядѣлъ сквозь пальцы на всѣ выходки своего сына—солдата, считая его жертвой своей воли и справедливости; а послѣднiй, какъ незаслуженно обиженный, мстилъ семейству, съ пренебреженiемъ относился къ моему отцу, мамѣ, моимъ братьямъ; всѣ мы, по его мнѣнiю, были очень глупы.

Маму же особенно тревожило то, что намъ, ея дѣтямъ грозила, какъ она думала, нищета въ будущемъ. Отецъ и мать больше всѣхъ работали въ семействѣ. Отецъ всѣ осенiя и зимнiя ночи проводилъ въ кузницѣ, зарабатывалъ деньги, пригоршнями относилъ ихъ дѣдушкѣ; а мать съ намп перемолачивала хлѣбъ, излишекъ котораго продавался дѣдомъ. Небезосновательно думала она, что дядя раззорить наше семейство, потому что онъ нѣсколько разъ присваивалъ себѣ семейныя деньги, найденныя имъ въ сусѣкѣ ржи, куда ихъ засовывалъ дѣдушка. Дядя не только не скрывалъ неблаговидныхъ поступковъ, но, будучи подъ-хмѣлькомъ, еще хвастался на нраздникахъ, что онъ совсѣмъ обокрадетъ дѣдушку. Это всего больше печалило маму. Можетъ быть, потому она такъ невесело призадумалась и теперь, воткнувъ иголку въ швейку и скрестивъ на груди руки.

— Возьми, дитятко, ключи и пойдемъ въ амбаръ за мукою, сказала она мнѣ:—муки нѣтъ дома.

Она сама никогда не отмыкала замковъ; пзъ боязни поломать ихъ, и потому ходила въ амбаръ всегда въ сопровожденіи кого-нибудь пзъ насъ, ея дѣтей. Я взялъ ключи, а она осиновое лукошко, и пошли къ амбару, стоявшему на задворьяхъ. Я проворно всунулъ ключъ въ скважину большого внутренняго замка, три раза повернулъ его и отворилъ первую тяжелую дверь, окованную крестообразно желѣзными полосками; за ней слѣдовала другая съ двумя желѣзными полосками, не менѣе тяжелая, запиравшаяся двумя висячими замками.

Не даромъ такими прочными запорами охранялся этотъ амбаръ. Въ немъ хранилось много всякой всячины, составляющей богатство зажиточной крестьянской семьи: на грядкахъ висѣли новые дубленые полушубки, такіе же тулупы, суконные кафтаны и армяки; нѣсколько паръ валенокъ, новыхъ сапоговъ; на широкихъ полкахъ стояли сундуки и коробки; прямо передъ входомъ находился громадный сусѣкъ, до верха наполненный отборнымъ зерномъ; направо сусѣкъ, тоже немаленькій со ржаной мукою: его обыкновенно пополняли каждую осень. Теперь же дѣдушка сдѣлалъ распоряженіе до тла очистить сусѣкъ, потому что на днѣ его нѣсколько лѣтъ къ ряду оставалась часть муки, которую ежегодно засыпали свѣжею; а первая могла испортиться, пролежавъ долгое время сдѣлаться негодною къ употребленію. И дѣйствительно, мука, покрывавшая дно сусѣка слоемъ вершковъ въ десять толщиною, сильно слежалась, превратилась въ комки, такъ что мамѣ приходилось разбивать ихъ совкомъ, прежде чѣмъ положить въ лукошко. Слухъ ея былъ неожиданно пораженъ металлическимъ звукомъ при ударѣ совкомъ по одному изъ большихъ комковъ. Она взяла загадочный комокъ въ руки и поднесла его къ открытымъ дверямъ. То былъ довольно объемистый кошелекъ, наполненный серебряною монетою: рублями, полтинниками, четвертаками. Руки ея тряслись отъ душевнаго волненія.

— Что это, мама? спросилъ я.

— Деньги, глухо отвѣтила она.

— Деньги? Это дѣдушкины деньги?

— Кто знаетъ, дитяtko, чьи онѣ! Можетъ быть, это кровь твоего отца, наша кровь...

— Развѣ онъ сюда ихъ положилъ?

— Нѣтъ, но онъ ихъ наживалъ.

Она передала кошелекъ мнѣ и задумалась: «Можетъ быть, въ немъ цѣлое богатство, будущее счастье моихъ дѣтей... Можетъ быть, Богъ награждаетъ меня за долгое терпѣніе... Старикъ совсѣмъ забылъ объ этихъ деньгахъ; у него не мало разсовано ихъ въ сусѣки, щели да въ кучи разнаго мусора... Однажды даже нашли цѣлую сотню пятялтынныхъ на скотномъ дворѣ подъ навозомъ: они были положены въ маленькомъ горшкѣ и прикрыты каменной плитой; были забыты дѣдомъ. Авось и эти позабыты, иначе онъ переложилъ бы ихъ въ другое мѣсто, потому что муки въ сусѣкѣ уже не много».

Лицо мамы просіяло восторгомъ побѣдителя, одержавшаго побѣду надъ сильнымъ врагомъ; но просіяло только на нѣсколько мгновеній, а затѣмъ на немъ отразился оттѣнокъ тяжелой грусти: щеки ноблѣднѣли, черныя брови насупились, синіе глаза покрылись туманною влагою, губы едва замѣтно дрожали; она думала что можетъ быть, старикъ нарочно, желая испытать ее и дѣтей ея, подсунулъ эти деньги? «Нѣтъ, онъ точно забылъ ихъ», рѣшила она.

— Да здѣсь будетъ близко къ сотнѣ рублей! Вотъ-то порадуется дѣдушка, когда снесу ему это сокровище! воскликнулъ я восторженно. Въ моемъ воображеніи уже рисовалась высокая фигура дѣда съ широкой лысиной на головѣ, прикрытой бѣлымъ колпакомъ; я уже видѣлъ его обыкновенно строгое лицо весело улыбающимся.

— Снесешь ему? возразила она.

— А кому же!

— Кому? бессознательно повторила она.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей въ лицо, выражавшее какое-то неопредѣленное, мучительное чувство.

— Дитя, не отдавай... Никому не отдавай... Эти деньги Богъ далъ тебѣ и Палашкѣ... Если я умру, ее не забывай... Она такая маленькая... Ее всякій обидитъ.

Жгучею болью отозвались эти слова въ моемъ сердцѣ: я ихъ не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что привыкъ видѣть родителей людьми безусловно честными, безъ ропота терпѣвшими обиды и притѣсненія дяди Прохора; привыкъ видѣть чуть не святыми, и какое искушеніе!

— Нѣтъ, мама! твердо отвѣчалъ я: эти деньги не наши, не мы ихъ сюда положили... Грѣхъ ихъ присваивать.

Слово «грѣхъ», подсказанное мною, кольнуло маму: «Не

ладно», думаетъ она: «въ нынѣшней жизни мука, и мука вѣчная ожидаетъ въ будущей—душу загубить за эти серебряники! Но за что-же будутъ мучить въ аду? Вѣдь я могу сказать, что эти деньги Богъ далъ мнѣ за труды и терпѣніе... Онѣ мнѣ принадлежатъ... Да, мнѣ и моимъ дѣтямъ, и моему мужу: мы ихъ наживали; а деверь ихъ украдетъ, если возвращу старику».

— Дитя, Богъ ихъ даетъ намъ.

— Нѣтъ, мама, лукавый искушаетъ: я ихъ непременно отнесу дѣдушкѣ.

— Не говори.

— Какъ-же, мама, ты сама, говорила, что чужое брать грѣхъ, а нынче...

— Не говори, ты глупъ... пойми, что эти деньги наши, мы ихъ наживали... твой дядя ихъ унесетъ и спасибо не скажетъ.

— Ну, и пускай онъ грѣхъ на душу беретъ; а намъ не надо... Хоть убей-- не возьму.

— Проклянѣ! слышь, проклянѣ, если заупрямишься: тому вѣкъ не будетъ счастья, кого проклинаятъ родители.

Я прослезился.

— Возьми, мама, сама этотъ кошелекъ и дѣлай съ нимъ что хочешь; а мнѣ его не надо.

— Подай, глухой, но ни слова о немъ дѣду; а не то— проклянѣ...

Она поспѣшно подставила лѣстницу къ полкѣ, открыла сундукъ, незапирившійся замкомъ, вынула изъ него кусокъ грубаго холста аршинъ десяти длиною, развила его, всунула въ него свою находку; снова старательно завила его и положила на прежнее мѣсто; а затѣмъ взяла лукошко, наполненное мукой, и вышла изъ амбара. Я затворилъ обѣ тяжелыя двери. Мучительно отозвался на этотъ разъ въ моемъ сердцѣ послѣдній звукъ, изданный упругой пружиной замка: «грѣхъ», рѣзко прозвучало въ моихъ ушахъ. Мнѣ стали противны замки и амбары.

II

Въ это время, неожиданно для меня, разнеслись въ свѣжемъ воздухѣ плавныя звуки знакомой пѣсни; ее пѣла молодежь, возвращаясь изъ поля: у сосѣда была «помочь»—кончали жатву.

«Ты гуляй-ка, красна дѣвица,
Пока волюшка своя;
Пока волюшка у батюшки,
Не расплетена коса;
Не расплетена руса-коса,
Не покрыта голова...
Какъ покроется головушка,
Будеть воля не своя. .
Не своя-то будетъ волюшка:
Воля мужа старика.
Не отнустить шельма старый мужъ
На улицу погулять.
Хоть отнустить гулять старый мужъ,
Самъ въ окошечко глядять:
Не стоитъ-ли молода жена
У широкихъ у воротъ?
Не ронить-ли молода жена
Горючи слезы въ платокъ
Да во тоненькій, во бѣленькій
Миткалинный рукавокъ?
Я сидѣла красна дѣвица
Поздно вечеромъ одна;
Я ждала ли дожидалася
Въ гости милаго дружка:
Посулился ко мнѣ миленькій
Вечеринкой посидѣть . .
Какъ пришель-ли разудаленькій
Въ неказаны часы;
Въ неказаны ли часики —
Во самую во полночь.
Какъ садился ко мнѣ миленькій
На тесовую кровать:
Увѣщаль-ли уговаривалъ
До замужняца любить.
Не сдавалась красна дѣвица
На лестивыя слова.
Какъ пошелъ-ли разудаленькій
Не радостепъ, не весель»...

При другихъ обстоятельствахъ я ищремѣнно-бы побѣ-
жалъ навстрѣчу иѣвцамъ, присоединился бы къ ихъ хору; но

теперь я почувствовать себя несчастнымъ изъ несчастнѣйшихъ. «Люди веселы», подумалъ я: «какъ имъ не веселиться, когда у нихъ совѣсть чиста, вловолю поработали, помогли сосѣду, сдѣлали доброе дѣло, которое ангелы-хранители уже записали въ небесной книгѣ; а отъ меня, можетъ быть, отступилъ мой хранитель, и лукавый записалъ мой грѣхъ».

Мнѣ такъ было жутко, что я не желалъ встрѣчи съ людьми. Мнѣ казалось, что преступленіе мое уже обнаружено, и всякій на меня смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Мучимый совѣстью, я пошелъ къ лѣсу, стоявшему въ полуверстѣ отъ деревни; вступилъ въ чащу и направился по тропинкѣ, желая развлечься, подавить мучительное чувство; свернулъ въ сторону, упалъ на зеленый мохъ подъ развѣсистыя ели и залился слезами, сдерживая глухія рыданія.. Ноплакавъ, почувствовалъ облегченіе въ груди, приподнялся, утеръ слезы и хотѣлъ поскорѣе возвратиться домой съ тѣмъ, чтобы еще разъ попытаться отклонить мать отъ памѣренія присвоить семейное серебро.

Но одно обстоятельство удержало меня на мѣстѣ.

Но тропинкѣ, отъ которой я былъ въ пяти шагахъ, медленно шли два человѣка: мужчина и женщина. Въ первомъ я узналъ дядю Прохора, во второй — Дарью, пожилую дѣвицу, взятыша богатаго сосѣда, старика Акима. Они не громко говорили; но, благодаря свѣжести воздуха и безусловной тишинѣ, царившей кругомъ, я слышалъ нѣсколько словъ.

— Старикъ Кирюшку (меня) любить больше всѣхъ въ семействѣ, и всѣ деньги можетъ передать ему... Этотъ соплякъ у него главный совѣтникъ. Ему дѣдъ довѣряетъ больше, нежели мнѣ. Но я постараюсь поднакостить. На дняхъ я былъ въ амбарѣ, видѣлъ въ сусѣсѣ небольшой кошелекъ серебра. Искушеніе, какъ видишь, великое; но я утерпѣлъ... Все равно — моихъ рукъ не уйдетъ.

— Что же ты не бралъ сразу?

— А потому и не взялъ, что хочу поднакостить... Кирюшка ходитъ иногда съ матерью за мукой... Не соблазняются ли, думаю, а я какъ разъ все и выведу на свѣжую воду... докажу старику, что его обкрадываютъ... Дѣло-то будетъ въ шляпѣ.

— Я тоже не забываю... Только мнѣ не приходится брать помногу: Акимъ остороженъ... Я сконляю гривенничка-

мя, полтинничками.

— Курочка по зернышку клюеть, да сыта бываеть.

— Я все подсматриваю, куда онъ прячетъ сотни.

— Не зѣвай; при случаѣ приголубь ихъ и ко мнѣ; а тамъ честнымъ пиркомъ за свадебку... Потомъ откроемъ кабачекъ, и заживемъ припѣваючи.

— На, тащи корзину: я устала.

И я видѣлъ, какъ дядя взялъ изъ рукъ Дарьи корзину съ брусникою, трещавшую отъ тяжести. «Слава Богу», подумалъ я: «словно гора съ плечъ свалилась. Нѣтъ, вѣрно, мой Ангель-хранитель не отступилъ отъ меня. Онъ привелъ меня сюда, чтобы спасти отъ грѣха меня и маму. И зачѣмъ я пришелъ сюда? Я желалъ избѣжать встрѣчи съ людьми, стыдно мнѣ было глядѣть на нихъ; а Богъ рѣшилъ иначе».

Когда голоса дяди и Дарьи замолкли вдали, я побѣжалъ въ деревню и, описавъ большой кругъ, вошелъ въ нее съ другой стороны, сѣлъ на крыльцо своей избы, чтобы продыхаться. Въ избѣ сосѣда, у котораго была помощь, пѣли пѣсни. Я внимательно прислушивался къ нимъ, потряхивая ключами.

Ко мнѣ подошелъ дядя Прохоръ. Я не смѣлъ взглянуть ему въ лицо.

— Куда съ ключами?

— Ходили за мукой.

— Подай-ка ихъ мнѣ: я схожу за овсомъ для лошадей.

Я передалъ ключи. Онъ поспѣшно удалился. Идя въ избу, я встрѣтился въ сѣняхъ съ матерью, шедшею съ подойникомъ молока: успѣлъ кратко рассказать ей о своемъ приключеніи въ лѣсу; а въ избѣ сообщилъ дѣдушкѣ, лежавшему на коникѣ, о томъ, что мы нашли въ мукѣ кошелекъ съ серебряными деньгами и положили его въ сундукъ, завернувши въ кусокъ холста, и затѣмъ попросилъ у него позволенія сходить къ молодежи, веселящейся у сосѣда. Я былъ очень доволенъ оборотомъ дѣла.

Не менѣе доволенъ былъ имъ и дядя Прохоръ. «Теперь старикъ въ моихъ рукахъ со всѣмъ своимъ капиталомъ», думалъ онъ. Ему вовсе не было надобности идти въ амбаръ за овсомъ въ такое позднее время. Онъ шелъ съ намѣреніемъ убѣдиться—на мѣстѣ-ли драгоценный кошелекъ и, когда не нашелъ его въ сусѣкѣ, поставилъ лѣстницу къ извѣстной полкѣ, открылъ сундукъ мамы, вынулъ изъ него различное

тряпье и добрался до куска холста, въ который были завернуты деньги... «Вот онъ!.. вот онъ!.. Ужо вамъ!» грозно прозвонилъ онъ. Послѣднія слова относились ко мнѣ и мамѣ. «Видишь, какіе ворюшки... Этакъ они, пожалуй, совсѣмъ старика обокрадутъ; я выведу ихъ на свѣжую воду». Онъ вышелъ изъ амбара и началъ разсматривать сокровище при блескѣ догоравшей зари. Убѣдившись въ цѣлости находки, онъ уменьшилъ ее на двѣ добрыхъ трети, а остальные деньги торжественно понесъ къ отцу, желая доказать ему свою честность, въ которой родитель все болѣе и болѣе сомнѣвался за послѣднее время. Дядя вошелъ въ избу уже при свѣтѣ лучины, ярко пылавшей въ свѣтцѣ. Всѣ члены семьи, кромѣ меня, были на-лицо. Мать готовила ужинъ. Дядя внутренно ликовалъ, но припаялъ наружно видъ огорченнаго человѣка: красивое лицо его исказилось; онъ укоризненно посмотрѣлъ на всѣхъ окружавшихъ и обратился къ моему отцу, сидѣвшему у стола, съ такою рѣчью:

— Ты, жужелица, чего смотришь? чему учишь дѣтей? какую волю далъ женѣ?

— Какая бѣда опять стряслась? спросилъ испуганный отецъ.

— Какая бѣда! подразнилъ его братъ: у тебя носъ украдутъ, такъ не увидишь.. Обокрали совсѣмъ насъ со старикомъ.

— Да что такое украли?

— Деньги украли!... всѣ деньги раскрали, раззорили насъ со старикомъ.

Дядя вынулъ изъ кармана отцовскій кошелекъ.

— Вотъ это я нашелъ у твоей жены въ сундукѣ. Полюбуйся-ко... Уже успѣла поразмотать... Мѣшокъ-то былъ полнехонекъ.

-- Поразмотало-бы тебѣ душу въ тѣлѣ, душегубецъ, отвѣтила мама.

Мой отецъ былъ пораженъ неожиданной непріятностью и бросился на маму съ поднятыми кулаками.

— Не смѣть! не разобравши дѣла не суйся! раздался съ копейки голосъ дѣдушки. Это былъ голосъ не просто хозяина дома, а прежняго старосты, голосъ, котораго никто во всей деревнѣ не смѣлъ ослушаться.

Отецъ молча сѣлъ на лавку. Дядя былъ озадаченъ. Онъ

никакъ не допускалъ, что дѣдушка заступится за маму.

— А ты, служивый, человѣкъ присяжный? спросилъ дѣдушка дядю.

— Да, отвѣтилъ онъ: онъ не понималъ, къ чему рѣчь ведетъ его родитель.

— Клялся служить Богу да Царю вѣрой и правдой?

— Вѣстимо, клялся.

— А такъ-ли ты служишь? Развѣ присяжному человѣку подобаетъ воровски ходить въ чужіе сундуки?

Такого оборота дѣла дядя уже совсѣмъ не ожидалъ и смутился.

— Сквозь строй тебя слѣдуетъ прогнать за такія проделки.

— Ну, что, старикъ, ругаешься-то? Я о тебѣ-же хлопочу, а ты ругаешься.. Пускай-же тебя обкрадываютъ, если потекаешь ворами.

— Да ты не хитри.. Скажи-ка лучше: зачѣмъ ты, присяжный человѣкъ, въ чужіе сундуки ходишь, семью ссоришь? Вѣдь воры въ твои не заглядываютъ, а заглядываешь ты въ ихніе.

— Да полно ругаться-то, старикъ.. Я тебѣ-же добра желаю, а ты ругаешься... Получи твои деньги — цѣлехоньки..

— Цѣлехоньки? а какже ты, присяжный человѣкъ, триста тебѣ калачей въ ротъ, сейчасъ говорилъ, что кошелекъ былъ полнехонекъ? Почему ты зналъ, что онъ былъ полнехонекъ?

— Да отвязись, пожалуйста... что ты ко мнѣ привязался... Не я же укралъ твои деньги... Безъ меня есть кому утащить — семья не маленькая... Получи ихъ, а не то такъ...

— Не то, такъ прикарманишь? Обирай ихъ; но больше отъ меня не жди ни гроша... слышь, ни гроша! Кошелекъ-то былъ точно полнехонекъ: въ немъ помѣщается близко къ сотнѣ рублей, а ты принесъ меньше трети... услужилъ — нечего сказать...

— Да не я же...

— Молчи, пока глотки не заткнулъ! крикнулъ дѣдушка, потерявшій терпѣніе: все знаю. Кирюшка не возьметъ, а ты самъ проболтался, самъ себя уличилъ: ты сказалъ мнѣ, что кошелекъ былъ полнехонекъ. И точно, онъ былъ полнехонекъ, пока ты до него не добрался. Безстыдный, самъ виноватъ, а

другихъ оклеветать хочешь. Миѣ Кирюшка сказалъ о деньгахъ задолго до твоего прихода въ избу. Мошенникъ! кабы ты не былъ солдатомъ, я бы съ тебя три шкуры содралъ.. искалъчилъ бы за такія мерзости, да жаль—на службу не погодяшься.

Никогда съ тѣхъ поръ, какъ дядя вступилъ въ военную службу, отецъ не читалъ ему такой нотаціи. Последняя доказала вѣдному, что не всегда возможно безнаказанно тиранить слабыхъ, прикрывая свои грѣхи напускнымъ усердіемъ услужить сильнымъ. И хотя поступокъ отца онъ считалъ въ душѣ справедливымъ, все-таки желалъ показать видъ безъ вины оскорбленнаго человѣка: онъ не сѣлъ за ужинъ, за которымъ царилъ тишина—никто не рѣшался заговорить въ присутствіи дѣдушки, раздраженнаго поступкомъ дяди.

«Старикъ съ ума сошелъ», думалъ дядя, выйдя на улицу: «никогда не видалъ я его такимъ... Это бестія — Кирюшка все пакостить... А все-таки я сегодня съ добычей—сотня серебряныхъ рублей въ карманѣ», утѣшалъ онъ себя, пытаясь заглушить голосъ совѣсти, шептавшей ему объ униженіи, свидѣтелемъ котораго были нелюбимые имъ люди, могущіе при случаѣ укорить его безстыдствомъ и нахальствомъ. Ночь была темная. Ему отозвался чей-то голосъ; а вслѣдъ за нимъ изъ за угла вывернулась какая-то фигура.

— Хонсъ? спросилъ онъ.

— Да и въ торбу, отвѣчалъ голосъ.

«Хонсъ да и въ торбу» была любимая поговорка дяди. Она же служила условнымъ знакомъ при свиданіи его съ Дарьей: онъ первый вопросительно произносилъ «хонсъ?», а последняя — «да и въ торбу». Что значило это изреченіе—никто не понималъ въ деревнѣ.

— Поздравь меня съ добычей... Сотня рублей въ карманѣ. Старикъ миѣ отдалъ ее.

Дядя умолчалъ о своемъ униженіи.

— Слава Богу.

— Знаешь-ли что? раздобудь-ка миѣ бутылку водки... Надо Прохора Федоровича поздравить съ добычей.. Вѣдь ты потроговываешь... У тебя найдется?

— Для тебя всегда найдется, отвѣчала Дарья: нашъ старикъ уѣхалъ на мельницу... Старуха на печи лежитъ, намъ не помѣшаетъ.. иди къ намъ въ клѣтъ, тамъ и выпить можно.

— Слышишь, какое веселье въ избѣ Егора— не мѣшало бы и мнѣ размять суставы; но трезвому-то стыдно заглянуть, на помочи не быть.

— Успѣешь, не скоро кончится «вечеринка».

Въ избѣ Егора точно было весело: въ ней скопилось десятка три молодыхъ людей: они пѣли пѣсни, плясали, шутили. Я, какъ не бывшій на жатвѣ, не принималъ участія въ играхъ съ разряженными дѣвушками: стоялъ у дверей и любовался стройными движеніями молодежи; плясали «чижи-ка» подь звуки гармоньи, «гуляли со вьюномъ», наконецъ начали «большой кругъ».

— Смирно! неожиданно послышалась военная команда въ самомъ разгарѣ «большого круга», когда дѣвушки пискливыми голосами распѣвали «Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни!», а парни притаптывали каблуками, поворачиваясь вправо и влѣво веѣмъ корпусомъ. Въ открытыхъ дверяхъ, ведущихъ изъ сѣней, стоялъ дядя Прохоръ, покачиваясь, показывая видъ болѣе пьянаго, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

— Смирно! повторилъ онъ, входя въ избу.

— Потихе дыши, не вырони души, послышался не громкій, по твердый голосъ хозяина, лежавшаго за заборкой.

— «Хопсъ да и въ торбу!» продолжалъ командовать дядя. Но командѣ его никто не думалъ подчиняться. Я подумалъ: не ко мнѣ ли придирается дядя? п, чтобы избѣжать скандала, шмыгнулъ въ сѣпп и былъ таковъ. Дядя, раздраженный невниманіемъ молодежи къ его командѣ, втесался съ средину круга и началъ махать руками. Дѣвушки съ визгомъ разбѣжались по угламъ.

— Прохоръ Ѳедоровичъ, обратился къ нему одинъ изъ парней: не мѣшай намъ, пожалуйста... вишь, всѣхъ разогналъ.

— Вамъ сказано «смирно!» — смирно и должно быть.

— Не шуми, Прохоръ Ѳедоровичъ, уговаривалъ хозяинъ: ребята-то мнѣ помогали сегодня, — не мѣшай имъ повеселиться.

— Знать пичего не хочу! кричалъ дядя: вонъ! всѣхъ вонъ!

— Бери его, ребята! сказали кто-то.

— Два здоровыхъ парня взяли дядю за руки, чтобы вывести его изъ избы; по онъ, рванувшись, освободился выхватилъ изъ кармана свою «добычу» и ударилъ кошелькомъ одного изъ противниковъ. Парень упалъ. Вслѣдъ затѣмъ пѣ-

сколько крѣпкихъ рукъ сзади вѣцпились въ волосы дяди, и пошла потасовка. Воинъ защищался съ остервенѣніемъ, работая руками и зубами: онъ ухватилъ палець одного парня и не выпускалъ изо рта, не смотря на удары, наносимые ему противниками въ разныя части тѣла. Спустя нѣсколько минутъ, онъ не выдержалъ, выпустилъ окровавленный палець и бросился къ дверямъ, чтобы спастись бѣгствомъ, но — увы! — двери оказались припертыми спаружи плечемъ дюжого мужика Намяткича, который желалъ, чтобы дядю поколотили покрѣпче, и не потому, чтобы былъ сердитъ на него, а потому только, что ему нравилась драка, какъ пріятное для него зрѣлище, о которомъ онъ послѣ долгое время могъ рассказывать, прикрасивши его свои вымыслами.

Дядѣ не удалось вырваться изъ избы, и онъ началъ изнемогать подъ ударами противниковъ. Все это я видѣлъ съ улицы: я стоялъ на полѣнницѣ дровъ и смотрѣлъ въ окно. Мнѣ было больно за дядю, но помочь ему я не могъ.

III.

Мнѣ въ то время минуло 15 лѣтъ.

Въ раннемъ же дѣтствѣ я былъ очень слабымъ ребенкомъ, и неудивительно: обстановка, среди которой я встрѣтилъ жизнь, мало содѣйствовала здоровому развитію организма. Воображеніе мое занимали самые страшные образы, порождаемые рассказами суевѣрныхъ братьевъ, сестеръ, бабушекъ и тетюшекъ. Кушалъ я мало, рѣзвился тоже не много: въ суровой крестьянской семьѣ не любятъ рѣзвыхъ дѣтей, постоянно прикрикиваютъ на нихъ, часто даютъ имъ подзатыльники за невольное, хотя бы и невинное, проявленіе шумнаго веселья. Въ присутствіи дѣдушки Ѳедора, одинъ взглядъ котораго заставлялъ трепетать того, къмъ онъ былъ недоволенъ, я сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу, не рѣдко притаивъ дыханіе. Въ такія минуты, если это было лѣтомъ, я старался незамѣченнымъ выбратся на улицу, гдѣ легче дышалось. Но и здѣсь трепетало мое сердце, хотя отъ другой причины. За деревней стояла вѣтреная мельница дѣдушки. Если она не работала, я считалъ себя въ безопасности и долгое время не заглядывалъ въ избу; если же мельница работала, я поспѣшно возвращался: мнѣ казалось, что мельница гонится за мною, махая своими широкими длинными крыльями. Всякому въ деревнѣ было извѣстно, какое удручающее впечатлѣніе производило на меня во-

склипаніе „мельница идетъ!“ И не малое количество невѣжественныхъ людей всѣхъ возрастовъ забавлялось моимъ испугомъ, восклицая: „мельница идетъ!“ Нужно ли говорить о томъ, какое впечатлѣніе производили на меня рассказы о домовыхъ, лѣшихъ и другихъ духахъ, которыми еще и понынѣ населена деревня Труднякова, такъ долго испытывшая на себѣ власть дѣдушки Федора, своего старосты, назначеннаго помѣщикомъ. Зимой же я рѣдко выходилъ на улицу по немнѣшнѣ обуви и одеждѣ. Стоило ли дѣдушкѣ заботиться объ обуви дѣтей, которымъ, по его мнѣнію, и ходить было некуда, а на печи и такъ тепло. Если я соблазнялся посѣтить своего сверстника сосѣда, украдкою слѣзаль съ печи и босой перебѣгалъ довольно длинную улицу въ двадцатиградусные морозы. Жаловаться на холодъ я былъ лишенъ права, хотя бы ознобилъ руки и ноги. „Не чертъ тебя и несъ па стужу, сидѣлъ бы на печи да жевалъ бы корку хлѣба въ теплѣ“, прикрикивалъ дѣдушка въ такихъ случаяхъ: „либо взялъ бы азбуку да твердилъ бы азы.“

Единственнымъ грамотѣемъ во всей деревнѣ былъ мой отецъ: его когда-то дѣдушка отдавалъ въ училище, въ городъ. Сыпъ грамотѣи былъ необходимъ ему, чтобы читать барскія письма и писать на нихъ отвѣты.. Дѣдушка пытался также научить грамотѣ кого-нибудь изъ старшихъ своихъ внуковъ, моихъ братьевъ, но неудачно: дальше азовъ они не шли; не шли, не смотря на строгости мѣръ, принятыхъ къ дальнѣйшему обученію. Рѣшено было попытаться счастья на мнѣ, послѣднемъ мальчикѣ. Отецъ лично занимался со мною въ праздничные дни и успѣлъ научить меня „складамъ“. Я усердно занимался, и тѣмъ немало порадовалъ дѣдушку, начинавшаго любить меня больше другихъ внуковъ. Любовь его ко мнѣ выражалась между прочимъ и тѣмъ, что онъ садилъ меня за столъ подле себя и собственноручно клалъ передо мною кусочки хлѣба и мяса. Однако такое вниманіе дѣдушки сначала не много ободряло меня, застѣчиваго и запуганнаго. Бывало, я съѣдалъ положенное дѣдушкой и, не смѣя попросить хлѣба еще, плакалъ. Дѣдушка понималъ, въ чемъ дѣло, подавалъ другой кусочекъ, и я успокаивался. Поощренный моими успѣхами въ азбукѣ, онъ нанялъ въ учителя мнѣ стараго пономаря, пригласилъ учиться еще трехъ мальчиковъ сосѣдей и посадилъ насъ въ отдѣльную избу, основавъ такимъ обра-

зомъ первую школу въ околодкѣ. У пономаря я учился около года: прочелъ букварь, часословъ и псалтирь. Дальше оставаться не могъ въ этой школѣ: учитель вовсе не умѣлъ писать. Письму сначала обучалъ меня самъ отецъ, а потомъ волостной писарь. Въ отдѣльной избѣ дѣдушки помѣщалось волостное правленіе, учрежденное послѣ 19 февраля. Первымъ старшиной былъ мой отецъ: онъ былъ удостоенъ выбора въ эту должность какъ грамотный и добросовѣстный человѣкъ. Онъ отказывался отъ чести быть избраннымъ, но воля волости была непреклонна, и онъ „отсидѣлъ“, какъ выражаются въ Трудняковѣ, въ старшинахъ три трехлѣтія. Онъ считался хорошимъ старшиной; волость просила его остаться еще на трехлѣтіе, но онъ по настоянію дѣдушки, отказался. По расчету послѣдняго крайне невыгодно было отцу оставаться въ должности: ничтожное жалованье трудняковскаго старшины далеко не пополювало убытковъ, которые терпѣло семейство, пожертвовавъ однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ для службы обществу: въ осеннія и зимнія ночи отецъ зарабатывалъ въ кузницѣ больше, чѣмъ получалъ за службу, не говоря уже о полевыхъ и другихъ работахъ по хозяйству. По выходѣ отца изъ старшинъ мое ученіе у писаря прекратилось: правленіе было перемѣщено изъ избы дѣдушки въ избу сосѣда.

Наша деревня стояла при большой дорогѣ. По этому мнѣ рано удалось познакомиться съ разными странниками, богомолами и богомолками. Отъ нихъ я наслышался о чудесахъ святыхъ, изнуравшихъ плоть свою веригами, постомъ и молитвою. Благодаря этому обстоятельству я пожелалъ „спасаться“. Я искалъ уединенія, чаще всего уходилъ въ клѣть, зажигалъ восковую свѣчу передъ образомъ, раскрывалъ кievскіе святцы, по которымъ отчитывалъ акафисты. Свѣчи я покупалъ у старика Акима, бывшаго старостой при часовнѣ въ Трудняковѣ, на деньги, которыя получалъ за росписку съ неграмотныхъ; расписываться же приходилось мнѣ не рѣдко, ибо проживалъ при волостномъ правленіи.

Разъ Акимъ спросилъ меня: кому и для чего я такъ часто покупаю свѣчи? Вѣдь не дѣдушкѣ же Оедору, всегда имѣвшему достаточный запасъ послѣднихъ? Я смутился и не отвѣчалъ ни слова: я боялся, что тайна моего подвижничества можетъ быть открыта, и прекратилъ сношенія съ Акимомъ. Твердо врѣзались въ моей памяти нравоученія, заучен-

няя по букварю: „Будь благочестивъ, уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ“. И я, насколько то понималъ, старался быть благочестивымъ. Самымъ страшнымъ грѣхомъ я считалъ воровство, можетъ быть, потому, что о болѣе тяжкихъ грѣхахъ не имѣлъ яснаго понятія. Меня, двѣнадцатилѣтняго мальчика, любили всѣ въ Трудняковѣ; удивлялись серьезности, столь несвойственной дѣтскому возрасту: лжи и обмана я не допускалъ даже въ играхъ. И дѣдушка возлагалъ на меня большія надежды въ будущемъ. Въ этомъ возрастѣ я читалъ ночами псалтирь по покойникамъ, смѣло шелъ поздно вечеромъ въ баню, гумно, не боясь домовыхъ и другихъ духовъ, въ существованіе которыхъ я вѣрилъ: я имѣлъ противъ нихъ сильное, несокрушимое оружіе — молитву и крестное знаменіе. Съ двѣнадцати же лѣтъ я сдѣлался помощникомъ семьѣ въ полевыхъ и другихъ работахъ; а это благотворно отразилось на моемъ здоровьи: я сталъ крѣпкимъ отрокомъ.

Сказки и сказанія о подвигахъ богатырей, внимательно выслушиваемая мною въ зимніе вечера, тоже много занимали мое воображеніе. Въ то время, когда семья „сумерничала“, то есть спала во время сумерекъ нѣсколько часовъ, чтобы не дремать въ долгій вечеръ за работою, я, лежа въ потьмахъ на полатахъ, уносился мыслію за тридевять земель, воображая себя богатыремъ, но богатыремъ добрымъ, подобнымъ Ильѣ Муромцу. Или я, бывало мысленно строилъ великолѣпный храмъ какъ разъ посреди деревни Труднякова, храмъ съ высочайшей колокольней, огромными колоколами и самъ звонилъ въ нихъ.. Назвопившись спускался по крутой и высокой лѣстницѣ, входилъ въ церковь, набожно крестясь и раскланиваясь на всѣ стороны; становился на клиросъ и начиналъ пѣть.. Но какъ пѣть? Такъ, какъ никто изъ смертныхъ не пѣвалъ.. Пѣніе мое творило чудеса: своды храма раздвигались и я, мгновенно обратившись въ ангела, улеталъ.. „Прощай, дѣдушка, никогда бы тебѣ не слѣдовало огорчать меня.. а теперь ужь извищи, не вернуся“... То вдругъ какимъ то чудомъ превращался въ важнаго барина, передъ которымъ дрожалъ самъ дѣдушка Федоръ.

Но чѣмъ больше выросталъ я, чѣмъ больше вникалъ въ смыслъ трудовой крестьянской жизни, тѣмъ менѣе уродливыя фантазіи занимали мой умъ, тѣмъ болѣе начиналъ я любить

дѣйствительный міръ: красы природы рисовались въ моемъ воображеніи ярче и ярче. Я чаще всего мечтаю о томъ, какъ бы побольше болотъ обратить въ широкіе луга, какъ бы удобрить поле, чтобы оно давало лучшіе урожан, и нерѣдко бесѣдовалъ объ этомъ съ дѣдушкой Федоромъ.

Онъ справедливо считался самымъ богатымъ крестьяниномъ въ окологкѣ Амбары его всегда были полны зерновымъ хлѣбомъ, на дворѣ пять, шесть лошадей, десять коровъ, столько-же овецъ, дававшихъ около двадцати ягненковъ ежегодно. Нокупалъ онъ только самое необходимое и вообще избѣгалъ траты денегъ; продавать же ему кое-что, напримѣръ, хлѣбъ, овчинны, шерсть приходилось частенько; и потому богатство его съ каждымъ годомъ увеличивалось. Никто, изъ хорошо знавшихъ его, не могъ сказать про него, что онъ пріобрѣталъ состояніе недобросовѣстно: богатство дѣдушки есть слѣдствіе его личнаго труда и труда нашей семьи. Онъ былъ образцовымъ работникомъ. Это качество вполнѣ привилось и ко всему нашему семейству. Съ одной ржи высѣвало около 60 четвериковъ, а вымолачивало около пятисотъ четвериковъ этого хлѣба. Яровыхъ хлѣбовъ высѣвалось и вымолачивалось тоже не мало. Наша семья много болотъ обратила въ отличные луга; производила эту работу осенью, по окончаніи полевыхъ. Сани, телѣги, сбруя—все приготавлилось членами семьи, и все это было сдѣлано прочно и красиво.

Разсказываютъ, что въ молодости дѣдушка считался удальцомъ и красавцемъ. Онъ былъ дважды женатъ и оба раза „самоходкой“, то есть уводилъ дѣвушку безъ согласія и вѣдома ея родителей. Приглянулся онъ дочери богатаго государственнаго крестьянина, жившаго верстахъ въ двѣнадцати отъ Труднякова, и они рѣшили вѣнчаться тайно: дѣвушка не могла рассчитывать, что родители согласились бы выдать ее за человѣка бѣднаго, да еще „въ барщину“. Она за полгода до свадьбы секретно переправила къ дѣдушкѣ приданое; а сундуки, въ которыхъ оно хранилось, наполнила камнями, чтобы легкость ихъ не обнаружила замысла раньше его выполненія. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ возвратилась она съ „помочи“ и, не раздѣвшись, легла спать въ избѣ на лавку; къ поясу, который былъ на ней, привязала другой, и одинъ конецъ послѣдняго опустила за окно. Ночью прибылъ женихъ, дернулъ за конецъ пояса; невѣста проснулась, вышла

изъ дома и была такова. Только черезъ недѣлю узнали родители, куда дѣвалась дочь. Они ее простили и дополнили приданое: она была у нихъ единственная. Съ первой женой дѣдушка прожилъ около двадцати лѣтъ. Она подарила его немалымъ количествомъ дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось только трое: Григорій— мой отецъ, Прохоръ и Катерина. Черезъ годъ вдовства дѣдушка женился на другой свободной дѣвушкѣ, но лѣтъ черезъ десять умерла и послѣдняя жена, оставивъ послѣ себя двухъ дочерей.

Нынче дѣдушкѣ около девяноста лѣтъ; но онъ еще бодръ и здоровъ: высокая фигура его не погнулась; мускулистая рука и широкія плечи его еще довольно крѣпки и сильны. Большая лысина на головѣ и двѣ глубокихъ морщины на высокомъ лбу свидѣтельствуютъ, что много пережилъ и много передумалъ онъ на своемъ вѣку. Въ большихъ, умныхъ глазахъ его, зорко выглядывающихъ изъ-подъ густыхъ, длинныхъ бровей, сверкаютъ искры: а въ окладистой, рыжей бородѣ его только изрѣдка проглядываютъ сѣдые волосы. Вообще черты лица его строги, внушаютъ невольное уваженіе къ нему. И дѣдушку всегда уважали и уважаютъ всѣ, знающіе его лично. Въ гнѣвѣ онъ страшенъ и скоръ на расправу. Случалось, что въ мѣстный праздникъ, подгулявши, поссорятся сосѣди и подерутся; и, если драка принимала серьезный видъ, а не была простою забавою, дѣдушка немедленно являлся къ буйевавшимъ, съ неразлучной спутницей своей, черемуховой дубиной, хорошо извѣстной всякому въ деревнѣ. „Что дѣлите, триста вамъ калачей въ ротъ?“ спрашивалъ онъ звучнымъ голосомъ. „А зеленую— то забыли“, продолжалъ онъ, потрясая въ воздухѣ дубиной. И если угрозой не достигалась цѣль, что случалось рѣдко, „зеленая“ начинала работать на право и лѣво, давая понять буйанамъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Особенно строго относился онъ къ членамъ своей семьи: если кто-нибудь изъ нихъ ссорился съ сосѣдомъ, дѣдъ наказывалъ своего, хотя бы онъ былъ менѣе виновенъ, не требуя сосѣда къ отвѣтственности. „Ты будь умнѣе, не связывайся съ дураками“, внушалъ онъ своему: „обижаютъ, уходи, а не ссорься“...

IV.

Разъяренная толпа молодыхъ парней, избивъ дядю Прохора, выбросила его изъ избы Егора на улицу. Когда моло-

дежь снова начала свои игры, я подошелъ къ дядѣ, издававшему тяжелые стоны въ темнотѣ осенней ночи, и предложилъ ему свои услуги: „Пойдемъ, дядюшка, я сведу тебя домой“. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько минутъ я разбудилъ отца, спавшаго въ сараѣ, и рассказалъ ему о приключеніи въ избѣ Егора. Отецъ, наказавъ намъ ничего не говорить дѣдушкѣ о случившемся, позвалъ обоихъ старшихъ своихъ сыновей и отправился за братомъ.

Мы осторожно подняли больного на плечи и понесли его вслѣдъ за отцомъ, шедшимъ впередъ и небольшимъ фонаремъ освѣщавшимъ дорогу. „Тихе, тихе“, умолялъ избитый: малѣйшее сотрясеніе причиняло ему сильную боль. Его уложили въ зимней избѣ на солому. „Эхъ, братъ! худыя дѣла тебя погубили“, съ сожалѣніемъ произнесъ отецъ мой; но больной не слышалъ этого замѣчанія.

Я находился при немъ безотлучно.

На другой день онъ почувствовалъ небольшое облегченіе и заснулъ довольно крѣпко; только сонъ былъ не продолжителенъ. Проснувшись, онъ спросилъ меня: „Гдѣ кошелекъ?“ Я, увлеченный хлопотами и уходомъ за больнымъ, забылъ о вчерашнемъ приключеніи съ кошелькомъ, и только теперь вспомнилъ о немъ, когда дядя самъ спросилъ его. Я не зналъ еще о сценѣ происшедшей вечеромъ въ нашемъ домѣ, ибо въ то время находился въ избѣ Егора, не зналъ и того, что дядя въ дракѣ съ молодыми парнями утерять кошелекъ съ серебряными деньгами.

— Какой кошелекъ, дядюшка?

— Тотъ, что я взялъ у твоей матери въ сундукѣ.

— Я не знаю.

— Вчера я былъ съ нимъ у Егора, произнесъ больной, закашлялъ и кровь потекла у него изо рта.

Я поспѣшно взялъ чашу съ водой и поднесъ ее къ губамъ дяди. Онъ съ трудомъ проглотилъ нѣсколько ложекъ воды и продолжалъ:

— Спроси о деньгахъ у Егора.

— Развѣ ты ему передалъ ихъ?

— Нѣтъ, я утерять у него въ избѣ. Можетъ быть, онъ нашелъ.

— А если у него не окажется?

— Ничего не говори о томъ дѣду. Спроси у ребятъ и дѣвушекъ.

— Ладно. Зачѣмъ ты пошелъ туда съ деньгами?

— По глупости... Иди, разыскивай.

Кошелекъ съ деньгами былъ найденъ Егоромъ въ углу за лоханью и спрятанъ до спроса. Я, получивъ его придумался: вчера его видѣлъ полнехонькимъ, а сегодня чуть не втрое меньшимъ въ объемѣ. Однако объ этомъ не сказалъ Егору ни слова: честность сосѣда мнѣ была извѣстна, и я не могъ заподозрить его въ присвоеніи чужой собственности.

Дядя былъ очень доволенъ, когда я принесъ къ нему деньги.

— Не унесъ ли кто-нибудь часть денегъ-то? спросилъ я: вчера мѣшокъ-то былъ полный,

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ; гроша не взято. Ты спрячь-ка подальше. Выздоровѣю, отдашь мнѣ; умру—пускай останутся тебѣ...

Кашель прервалъ рѣчь больного, и кровь снова показала на его губахъ.

До призыва въ рекруты дядя Прохоръ тоже много потрудился для нашего семейства. Пока мы были малы, ему съ отцомъ приходилось дѣлить весь трудъ полевыхъ и домашнихъ работъ. У него не много было свободнаго времени даже въ воскресные дни: въ эти дни онъ строилъ экипажи, починавалъ сбрую, а мой отецъ справлялъ сохи и бороны. - Всѣ будни тратились на обработку земли: рубку подеѣкъ, пашеніе ихъ, посѣвъ и прочее. Дядя тогда считалъ себя равноправнымъ членомъ семейства; онъ рассчитывалъ, что со временемъ придется раздѣлить ему съ братомъ все состояніе, которое они пріобрѣтаютъ такимъ упорнымъ трудомъ. Но по вступленіи въ военную службу онъ почувствовалъ себя отрѣзаннымъ ломтемъ. Ему случалось видѣть участь солдатъ, возвращавшихся изъ службы: сначала ихъ встрѣчали родственники и сосѣди со слезами радости, а потомъ, по прошествіи, приблизительно, года родные уже не любили ихъ, не знали, какъ отъ нихъ отдѣлаться; ссорились съ ними, сложили даже про нихъ поговорку: „солдатъ въ домъ—образа вонъ“, поселяли обыкновенно служивыхъ въ отдѣльную избу, удѣливъ имъ самую ничтожную часть своего бѣднаго состоянія. Бывали, конечно, и такіе случаи, когда солдатъ оставался любимцемъ семьи до гроба, нянчилъ дѣтей взрослыхъ племянниковъ, никто съ нимъ не ссорился, всѣ его уважали, всѣ старались ему угодить, по

такіе случаи бывали рѣже. Это хорошо было извѣстно дядѣ Прохору. Вернувшись изъ службы, онъ не ходилъ на полевые работы вмѣстѣ съ семьей, и только въ самую трудную пору помогалъ ей въ этихъ работахъ особнякомъ: бралъ косу и шелъ на отдѣльный лугъ, не на тотъ, на которомъ работали остальные члены семьи; почему онъ такъ поступалъ, про то знала только его совѣсть. Все остальное время работалъ на себя; изъ семейнаго матеріала строилъ экипажи: дрожки для сосѣднихъ помѣщиковъ, тарантасы, телѣги и сани; въ зимніе вечера шилъ сапоги. Изъ заработанныхъ денегъ въ семейство не давалъ ни гроша, а ѣлъ семейный хлѣбъ. Отецъ мой и братья были этимъ недовольны и тайно роптали на дядю. Но онъ не считалъ своихъ поступковъ предосудительными и рассуждалъ такъ: „я помогалъ брату взростить его дѣтей, работалъ на нихъ до кроваваго пота, и теперь въ правѣ ѣсть ихъ хлѣбъ, работая на себя“. И семь лѣтъ ѣсть онъ семейный хлѣбъ. Еще до возвращенія его изъ службы, по распоряженію дѣдушки, отецъ мой построилъ двѣ новыхъ избы для брата солдата, которыя нынѣ такъ опрятно стоятъ въ концѣ деревни. При нихъ имѣется дворъ съ хлѣвами, клѣтями, погребомъ и другими зданіями. Но дядя пока не желаетъ жить отдѣльно отъ насъ, хотя дѣдушка намекалъ ему о раздѣлѣ не однажды, совѣтовалъ переселиться въ свой уголь и прекратить смуту въ семействѣ. У дяди свой расчетъ: „Если я раздѣлюсь съ братомъ при жизни отца“, думаетъ онъ, „придется довольствоваться тѣмъ, что дастъ старикъ; а послѣдній, вѣроятно, много не дастъ: дастъ корову, овцу, хлѣба на годъ, сотню денегъ, да еще что-нибудь изъ мелочей, и только: дѣдъ, надо полагать, не пожелаетъ обидѣть внуковъ; а если отдѣлюсь по смерти отца, все имѣніе раздѣлю съ братомъ пополамъ“. Расчетъ его можетъ быть невѣренъ только въ томъ случаѣ, когда старикъ переживетъ сына. Объ этомъ дядя тоже задумывался нерѣдко, и, желая вознаградить себя за лишенія въ случаѣ продолжительной жизни отца, не клалъ охулки на свою руку, бралъ деньги всегда, когда представлялась возможность брать ихъ, и такимъ образомъ вносили неурядицу въ семейство, члены котораго тоже стали думать о своей будущности: они понимали, что если онъ долго проживетъ съ ними, можетъ разорить ихъ.

Онъ хворалъ очень долго; педѣли три вовсе не вставалъ

сь постели. Мы, чередуясь, ухаживали за нимъ. Только дѣдушка не желалъ видѣть его, не входилъ въ избу. Чаще другихъ, кромѣ меня, навѣщала его мама. Она приготовляла для него особую пищу, прибирала его постель, перемѣняла бѣлье; перѣдко плакала, слыша его тяжелые стоны и вздохи и видя запекающуюся кровь и язвы на головѣ. Мало было надежды на его выздоровленіе. Всѣ ждали, скоро ли смерть прекратить его муки. Однажды онъ проснулся и увидѣлъ маму, стоящую у его постели: она только что поправила повязку на его головѣ, осторожно смочивъ ее холодною водою.

— Улита, тихо произнесъ онъ.

Мать вздрогнула; дядя нѣсколько лѣтъ не называлъ ее именемъ.

— Улита, повторилъ онъ.

— Что тебѣ надо, родной?

-- Прости меня грѣшного.

— Богъ простить, меня прости...

— Богъ простить. Это за тебя Богъ наказалъ меня. Я хотѣлъ обидѣть тебя, а вышло иначе... Богъ обидѣлъ меня.

— Кабы самъ не былъ плохъ, не обидѣлъ бы Богъ, отвѣчала мама пословицей. Зачѣмъ вошелъ въ чужой домъ и затѣялъ драку.

— Глухая, прервалъ больной: бывалъ я въ чужихъ людяхъ, дирался перѣдко. Самъ начиналъ драки, тѣшилъ свою удалъ, доставалось и мнѣ... все не такъ. . Гдѣ бы такимъ мальчишкамъ изувѣчить меня, еслибы Богъ не попустилъ.

— Не зашелъ бы къ нимъ, былъ бы здоровъ.

— То-то нѣтъ... Не своей волей пошелъ къ нимъ. Меня такъ и тянуло туда.. Меня злило ихъ веселье... У нихъ не было гроша за душой, день работали, устали и все-таки веселились; а у меня въ карманѣ былъ кошелекъ серебра, и мнѣ было жутко.. Вотъ меня и разозлило... Дай, думаю, разгону ихъ всѣхъ къ чертямъ... думалъ, что мнѣ будетъ легче.

— Это лукавый искушалъ.

— Видно такъ.

— Молиться надо. Богъ простить.

— Что же старикъ-то меня не провѣдаетъ? сердится, чтоли?

— Не знаю.

— Поговори-ка ему объ этомъ

— Ладно, поговорю.

Мама вернулась въ избу, въ которой жила семья, и начала хлопотать около печи. Она не скоро рѣшилась заговорить съ дѣдушкой, молча сидѣвшимъ на коникѣ и ковырявшимъ лапти. Въ избѣ, кромѣ ихъ, никого не было. Наконецъ она пачала, стараясь не глядѣть ему въ глаза, чтобы не встрѣтить въ нихъ страшнаго для нея гнѣва:

— Батюшка, ты бы провѣдалъ Прохора-то.. Неужто у тебя каменное сердце? Можетъ быть, ему не встать съ постели—умреть.

— Умреть, такъ меньше вретъ, отвѣчалъ дѣдушка; а тебѣ тутъ соваться нечего... Я знаю все лучше тебя.

Послѣ такого отвѣта мама уже не рѣшалась продолжать разговоръ о дядѣ, Однако упрекъ ея, выразившійся въ словахъ: „Неужто у тебя каменное сердце?“ отозвался въ душѣ дяди; и онъ черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у постели больного сына. Снѣ былъ пораженъ исхудалымъ тѣломъ больного и смягчилъ гнѣвъ.

— Батюшка, прости меня, грѣшнаго.

— Богъ простить.

— Выздоровѣю, другу и недругу накажу, чтобы не дрались.

— Я тебѣ наказывалъ, да ты не слушалъ.

— Прости... согрѣшилъ...

— Богъ простить. И мы-то согрѣшили...

— Батюшка мнѣ бы причаститься... пошли-ка за попомъ.

Дѣдушка молча отошелъ отъ постели больного. Черезъ полчаса я уже ѣхалъ за священникомъ.

V

Прошло около полугода.

Громадный костеръ сухихъ дровъ пылалъ краснымъ пламенемъ въ темнотѣ тихой ночи и яркимъ свѣтомъ озарялъ большую поляну. Мы жгли яму, то есть, жгли дрова, сложенные надъ ямою, чтобы послѣдняя наполнилась углемъ. Для этой работы обыкновенно выбираютъ самую тихую погоду—при вѣтрѣ угля нагораетъ меньше, костеръ сгораетъ не одновременно. Насъ было трое: я съ братомъ Аонасіемъ, старшимъ меня по возрасту, сидѣлъ передъ костромъ на пучкѣ соломы, а нашъ отецъ спалъ, одѣвшись шубою, поодаль немножко, тоже на соломѣ. Мы вели оживленный разговоръ о

разныхъ приключеніяхъ. Наконецъ братъ сказать мнѣ: «Пора будить батюшку: костеръ опускается, надо трясти его». Отецъ, проснувшись, упрекнулъ насъ, что долго его не будили.

Всѣ трое взяли длинные рычаги и начали ими пошевеливать да потряхивать костеръ, блестящій ярче золота. Яма все больше и больше наполнялась крупными раскаленными угольями; весь костеръ сгорѣлъ почти одновременно и, когда его пошевелили, рассыпался на уголь, высокимъ бугромъ наполнившій яму. Теперь красное пламя замѣнилось синимъ. Отецъ сказалъ, что пора тушить уголь. Взяли деревянные лопаты и начали бросать снѣгъ на раскаленный бугоръ, который сильно зашипѣлъ. Густой паръ высокимъ столбомъ подымался къ верху и растилался надъ поляной. Вслѣдъ за снѣгомъ клали на уголь солому, а ее покрывали толстымъ слоемъ земли до тѣхъ поръ, пока не перестали показываться изъ ямы тонкія струйки зеленоватаго дыма или бѣловатаго пара.

— Слава Богу, удачно вышло дѣло, замѣтилъ отецъ и вмѣстѣ съ нами снялъ шапку; всѣ трое помолились Богу, обратившись лицомъ къ востоку, уже освѣщенному первыми лучами солнца.

— Теперь домой пойдѣмъ, батюшка? спросилъ я.

— Нѣтъ, другъ, надо подождать: не расшаялась бы яма. Можетъ быть, гдѣ-нибудь покажется дымокъ, такъ на то мѣсто нужно будетъ побросать земли и утоптать хорошенько, иначе—уголь весь истлѣетъ. Можно закусить немного. Аванасій, достань-ка хлѣбца.

Братъ мой развязалъ мѣшокъ, вынулъ ковригу ржаного хлѣба, отрѣзалъ три ломтя, и подаль одинъ отцу, другой мнѣ. Потомъ досталъ чашу, зачерпнулъ воды, не совсѣмъ чистой, которая скопилась въ ямкѣ близъ горѣвшаго костра, и мы усѣлись на солому завтракать.

— А что-то у меня, ребята, сердце тоскуетъ! ужъ къ добру ли? сказалъ отецъ.

— Навѣрно ты, батюшка, усталъ сильно: отдохнулъ бы, посоветовалъ я.

— Нѣтъ, это, братъ, не отъ усталости оно растосковалось. Тебѣ, Кирюха, ничего не говорилъ дѣдушка?

— Ничего,

— Я замѣчаю, какъ будто онъ измѣнился. Съ половины зимы охаетъ да вздыхаетъ. Ужъ не предчувствуетъ ли че-

го-нибудь недобраго? Онъ старъ. Чего ждать? Старикъ еще сорвется..

— Кажется, онъ еще здоровъ, сказалъ я.

— Смерть-то этого не спрашиваетъ.

— А мнѣ, кажется, что онъ особенно началъ измѣняться съ тѣхъ поръ, какъ заболѣлъ дядя Прохоръ, замѣтилъ Аонасій.

— Правда, болѣзнь брата сокрушила старика; но вѣдь Прохоръ давно поправился: больше не глупить—стать другимъ человѣкомъ. На счетъ его, значить, нечего сокрушаться. Видно, у старика есть другая забота, добавилъ отецъ.

— Какой бы, кажется, быть заботѣ? сказалъ Аонасій, почесавъ затылокъ; дѣла по хозяйству идутъ, какъ слѣдуетъ; лошади, слава Богу, здоровы. Аонасій очень любилъ лошадей: онъ ихъ кормилъ и лелѣялъ, никому изъ насъ не уступая ухода за ними. Вотъ и думаль: «о чемъ же бы дѣдушкѣ беспокоиться, коли лошади здоровы?»

— А это отъ воды, батюшка, тоскуетъ сердце, утѣшаль я отца: вода здѣсь не чиста—отъ нея тошно на душѣ.. Меня тоже тошноитъ немного.

Мнѣ больно было смотрѣть на родителя, мучимаго какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ. Я даже подумалъ: не свою ли смерть предчувствуетъ отецъ, ибо дѣдъ казался бодрѣ и здоровѣе его. Отецъ мой казался человѣкомъ очень слабымъ: небольшого роста, тошій; на лицѣ его вѣчно отражались слѣды заботъ; только черпая, широкая борода, обрамлявшая узкое лицо, придавала ему нѣкоторую долю дородства; а не будь у него бороды, и казался бы онъ очень слабымъ человѣкомъ—замухрышкой; по этому-то дядя Прохоръ и называлъ его въ минуты гнѣва «жужелицей».

Има оказалась такъ хорошо потушеною, что изъ ней не показывалась ни одна струйка дыма. Мы убѣдились въ уснѣхѣ дѣла и пошли въ деревню.

Здѣсь ожидало насъ большое горе.

Еще подходя къ деревнѣ, мы замѣтили Намяткича, того самаго мужика, который подпиралъ своимъ дюжимъ плечемъ дверь во время драки; онъ поджидалъ насъ, какъ мы догадывались, чтобы сказать намъ новость, насъ касавшуюся. Встрѣча съ нимъ не предвѣщала ничего добраго. И мы не ошиблись въ догадкѣ. Какъ только мы поровнялись съ нимъ, онъ, поче-

сывая затылокъ, сообщилъ намъ, что у насъ въ домѣ случилась бѣда.

— Какая бѣда? воскликнулъ отецъ.

— Деньги украли у старика. Нынче ужъ всё деньги унесли, до гроша, съ притворной грустью сообщалъ онъ; но въ голосѣ его слышалось плохо скрытое злорадство.

У бѣднаго отца свѣтъ помутился въ глазахъ, затряслись колѣни, стоиъ вырвался изъ груди. Мы заплакали; подхватили отца подъ руки и повели въ избу.

VI.

Въ избѣ встрѣтили невеселую картину. Дѣдушка сидѣлъ на коникѣ. Онъ желалъ казаться спокойнымъ; но трудно было ему скрыть душевную скорбь, отражавшуюся въ его глазахъ. Дядя Прохоръ, облокотившись о копецъ стола, непритворно плакалъ. Въ красномъ углу за столомъ сидѣлъ зять нашъ, мужъ моей сестры, торговецъ, прѣхавшій занять у дѣдушки денегъ. Мама хлопотала около нечи. Авдотья, жена Анапья, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, прижалась въ углу, не смѣя нарушить тяжелаго молчанія... Не было только Антипы, старшаго моего брата, съ ранняго утра ушедшаго въ лѣсъ на работу, да жены его Макриды, раздававшей кормъ скоту.

Дѣдушка первый прервалъ молчаніе.

— Ну, Григорій, тебя мнѣ жалко. Ты больше всѣхъ поработалъ для семьи: тебя разорили.

Отецъ тяжело вздохнулъ.

— Гдѣ хранились деньги-то, дѣдушка? спросилъ я.

— Въ большомъ амбарѣ... Онѣ были засыпаны въ сусѣкъ ржи, надъ ними былъ насыпанъ остроконечный бугорокъ, а на немъ лежала маленькая бѣленькая щепочка

— Какъ же воры попали въ амбаръ? вѣдь надо было сломать замки, или двери, окованныя желѣзными полосами? Или, можетъ быть, кровлю и потолокъ разломали? спрашивать Анапсий.

— То-то нѣтъ; все цѣло: двери, замки и крыша.. Только деньги унесены.

— А ты, батюшка, давно ихъ видѣлъ-то? спросилъ отецъ.

— Давно, еще лѣтомъ.

Отвѣтъ дѣда показался намъ загадочнымъ: всё почувствовали неискренность его, или по крайней мѣрѣ, неточность.

Дядя расплакался; отецъ съ трудомъ его успокоилъ.

— Всѣхъ бы я не взялъ: твою бы долю оставить, продолжалъ дядя: потомъ самъ же бы сказалъ объ этомъ тебѣ и старику. И переселился бы въ свою хату.

— Правда, произнесъ отецъ.

— Вѣрите мнѣ, ребята? обратился онъ ко мнѣ и Аонасию.

— Вѣримъ, дядюшка, отвѣчали мы.

— Я послѣднія свои деньженки раздѣлю съ вами. У меня есть пятьсотъ рублей. Часть ихъ самъ нажилъ, другую утащилъ у старика въ разное время. Вамъ дамъ по сту рублей, если не найдутся дѣдовы.

— Спасибо, дядюшка.

— Я все думаю, что старикъ засунулъ ихъ куда-нибудь: украсть некому. Ребята до сихъ поръ не были замѣчены въ такомъ грѣхѣ—и куда бы они дѣвали ихъ?

— Не Антипа ли стянулъ денежки? замѣтилъ отецъ.

— Не можетъ быть, воскликнулъ я.

— Нѣтъ, можетъ быть, подтвердилъ отецъ: самъ-то онъ не додумался бы до этого—глупъ. Его, вѣроятно, тещъ подстрекнулъ; тещъ его и мнѣ говорилъ: «Солдатъ всѣ деньги утащить у старика». Я плюнулъ ему въ лицо, и онъ больше мнѣ ни слова; а зятя навѣрно сбилъ съ толку. Можетъ быть, дуракъ Антипа и деньги-то отдалъ на храненіе тещю, а тотъ плутъ извѣстный. Намъ не видать ихъ, какъ своихъ ушей.

Догадка отца насъ поразила: намъ показалось вѣроятнымъ его предположеніе. Братъ Аванасій сознался, что и ему дѣдъ его жены говорилъ тоже вызывался помочь въ кражѣ—скрыть концы! но въ отвѣтъ получилъ плюху, и больше уже не смѣлъ намекать на похищеніе денегъ.

Дядя ободрился: подозрѣніе лежало не на одной его личности; похищеніе могло быть совершено и другими; но онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти за то, что, если деньги точно унесены, все-таки онъ виноватъ: главною причиною къ покражѣ ихъ было опасеніе за то, что онъ ихъ унесетъ у дѣда.

— Такъ что же будемъ дѣлать? спросилъ дядя.

— Что дѣлать? повторялъ отецъ, и глаза его заблестали нечеловѣческимъ гнѣвомъ: даже дядя затрепеталъ, не го-

воря уже обо мѣ и Аванасѣ. Мы не могли допустить, чтобы онъ былъ способенъ на такое ожесточеніе. Гнѣвъ, проявляемый имъ при болѣе обыкновенныхъ случаяхъ, казался ничтожнымъ въ сравненіи съ теперешнимъ состояніемъ его души.

— Вотъ что дѣлать, отвѣтилъ самъ же отецъ на свой вопросъ: какъ вернется Антипа съ работы, я привяжу его къ воронцу и буду бить палками, пока не раскается и не возвратитъ денегъ.

— А если не его грѣхъ? если дѣдушка точно переложилъ бумажникъ куда—нибудь въ другое мѣсто? спросилъ я: у меня сердце замирало отъ предстоящей брату пытки.

Отецъ грозно молчалъ.

— Нѣтъ, началъ дядя: это не дѣло. Какъ знать—кто виноватъ? Коли пытать, такъ всѣхъ, начиная съ меня. Если въ Антипѣ эти блохи, такъ пусть Кирюшка поговорить ему... Вѣрно Антипа отдастъ или отброситъ куда-нибудь, гдѣ бы можно было найги.

Дядя предлагалъ дѣйствовать кроткими мѣрами на подозреваемыхъ; онъ считалъ уже, по вышеуказаннымъ причинамъ, въ половину виновнымъ похитителя, ибо онъ первый началъ потягивать деньги у дѣда и тѣмъ соблазнилъ другихъ. До него не только изъ нашего рода никто ничего не воровалъ, но даже во всемъ Трудняковѣ не слыхано было о кражѣ чего-бы-то ни было. Проѣзжіе смѣло оставляли на улигѣ возы съ товарами безъ присмотра въ осеннія темныя ночи. Широко была извѣстна образцовая честность Трудняковцевъ въ этомъ отношеніи. А если кто-нибудь изъ проѣзжихъ не рѣшался оставить безъ присмотра свой возъ, дѣдушка увѣрялъ, что въ его деревнѣ сибь-порохъ не потеряется; въ противномъ случаѣ онъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ.

Въ то время, когда мы въ амбарѣ совѣтовались о способахъ разыскванія исчезнушаго бумажника, въ избѣ самъ дѣдушка разсуждалъ о томъ же предметѣ со своимъ братомъ, старикомъ Ефимомъ, жившимъ въ отдѣлѣ отъ нашего семейства, и дочерью Катериною, выданной въ замужество за соседа. Мы возвращались въ избу съ невеселыми лицами.

— Ну, что? спросилъ Ефимъ.

— Не пашли, отвѣчали мы.

— Дѣло позорное, продолжалъ онъ: такого грѣха искони не бывало въ нашемъ роду... Тутъ были не чужіе воры.

Мы молча согласились съ его мнѣніемъ.

— Къ тому же это дѣло не ребятъ: ребятамъ не столковать.

Ребятами онъ называлъ моихъ братьевъ и меня.

— Чье же дѣло, по твоему, дядя Ефимъ? спросилъ дядя Прохоръ.

— Твое, братъ, кайся... въ тебѣ эти блохи завелись.

— Будь я проклять, ежели это сдѣлалъ я. Порази меня, Господи, на мѣстѣ! воскликнулъ Прохоръ, крестясь и глядя на икону.

Морозъ пробѣжалъ по тѣлу слышавшихъ эти слова. Всѣ увѣрились въ невинности воина, только одинъ Ефимъ остался при своемъ убѣжденіи и въ отвѣтъ на клятву произнесъ: „Вору не божиться—праву не бывать!“

Дядя Прохоръ горько заплакалъ; потомъ, обратясь къ Ефиму, говорилъ:

— Ты, дядюшка, думаешь, что я заклятый злодѣй... Напрасно. Во мнѣ тоже есть душа. Каюсь, глумилъ прежде... Утянулъ въ разное время у отца сотняжку, другую... Но вѣдь это я не считалъ кражею. Я думалъ, что старикъ обидитъ меня при раздѣлѣ, скажетъ: „одна голова не бѣдна, а и бѣдна такъ одна.“ Самъ, скажетъ, наживай... А наживать-то годы ушли... Молодость царю служилъ, можетъ за брата же да за племянниковъ. Вотъ, думаю, чтобы ни съ чѣмъ не остаться подъ старость, и брать понемногу. Но всѣхъ семейныхъ денегъ никогда бы не рѣшился взять. Руку-бы отрубилъ, если бы она протянулась. Если бы у меня была тысяча рублей, я далъ бы семейству: мнѣ больно смотрѣть на страдающа брата и племянниковъ.

Слова его казались такъ убѣдительно, въ нихъ было такъ много правды, что самъ Ефимъ поколебался въ виновности подозрѣваемаго.

— Говоришь-то ты красно, парень, да мнѣ что-то не вѣрится, потому—украсть-то больше некому. Ребятамъ не столковать. Вотъ развѣ бабы? Бабъ надо дожимать, рѣшилъ Ефимъ.

Бабы, услыхавъ такой приговоръ, завопили: призывали всѣхъ святыхъ во свидѣтели, клятвамъ конца не было. Но старикъ Ефимъ сразу обрѣзалъ ихъ пословицей, что „вору не божиться, праву не бывать,“ и принудилъ ихъ замолчать,

Отец высказалъ свое предположеніе на счетъ Антипы и его тестя Ефимъ согласился, что это можетъ случиться. Онъ предложилъ дѣдушкѣ все семейство привести къ присягѣ; но дѣдушка не рѣшился на томъ основаніи, что изъ страха и стыда укравшій тоже присягнетъ, и такимъ образомъ возьметъ лишній грѣхъ на душу.

— А не переложилъ ли ты, батюшка, денегъ-то въ другое мѣсто? Примомни-ко... Вѣдь память-то стариковская, забывчивая, сказала тетка Катерина.

— Я тоже думаю, прибавилъ Прохоръ.

— Можетъ и такъ, произнесъ Ефимъ; можетъ, грѣшимъ напрасно. Надо искать по всѣмъ угламъ: въ клѣткахъ, сараяхъ, вездѣ...

— Эхъ, триста вамъ калачей въ ротъ—неужто бы я забылъ, куда положилъ такую кучу денегъ? Засунуть куда-нибудь десять рублей и забыть—можно, а не тысячу.

— Да, невольно согласились присутствующіе.

А все таки отправились отыскивать утерянное: пошли перестраховать разный хламъ въ клѣткахъ, амбарахъ и сараяхъ.

VII.

Два дня поиски были напрасны. На третій все семейство съ близкими родственниками собралось на совѣтъ. Дѣло не только не разъяснялось, но все болѣе и болѣе запутывалось. Число подозрѣваемыхъ въ похищеніи увеличилось. Стали подозрѣвать и тетку Катерину, замужнюю дочь дѣдушки, имѣвшую доступъ въ наши клѣтки, гдѣ хранились ключи отъ амбаровъ. Мама думала: „Не самъ ли дѣдъ отдалъ деньги дочерямъ, да чтобы скрыть это отъ насъ, сказалъ, что ихъ украли?“ Но чрезъ минуту сама себѣ отвѣчала: „Нѣтъ, это не такъ: никто не знаетъ, сколько было у дѣда денегъ. Онъ могъ бы дать такъ, что мы и не узнали бы, и всѣхъ бы не отдалъ“. Тетка Катерина думала: „Ужь не Улита ли стянула ихъ да передала торговцу-зятю, а потомъ посоветовала ему пріѣхать просить у старика денегъ въ займы?“ И тотчасъ же мысленно отвѣчала: „Нѣтъ, не она: Улита не умѣетъ отмыкать замковъ, одна въ амбаръ не ходитъ; искать деньги вожжи ей бы въ умъ не впало, а случайно наткнуться на нихъ не могла—за рожию не ходитъ. Старикъ Ефимъ думалъ: „Это дѣло Прохора: ребятамъ не столковать, а въ немъ водятся блохи. Какъ онъ ни божись, а его грѣхъ... Вору не

божиться—праву не бывать.“ Дядя Прохоръ разсуждалъ: „Либо самъ отецъ засунулъ деньги куда-нибудь, либо онѣ попали въ руки тестя Антины, извѣстнаго пройдохи.“ Отецъ мой былъ того же мнѣнія, съ тою только разницею, что допускалъ возможность похищенія ихъ и братомъ своимъ Прохоромъ. Я съ братомъ Аоанасьемъ передумалъ все, что думалъ каждый изъ семейниковъ отдѣльно. Самъ дѣдушка думалъ одно: „деньги украдены, а чье это дѣло—шутъ знаетъ“

Одинъ Антипа не участвовалъ въ семейныхъ совѣтахъ о розыскѣ пропавшаго. И это никого не удивляло. Онъ былъ чужимъ въ своемъ семействѣ; даже въ дѣтствѣ не видалъ ласки отца, дѣда, дяди, тетокъ. Одна только мать любила и ласкала его. Нелюбовь близкихъ къ ребенку трудно объяснить какими-нибудь уважительными причинами, и вообще не понятна. Случается, что не любятъ матери, отца, а иногда и обонхъ вмѣстѣ; но дѣтей ихъ, ничѣмъ неповинныхъ еще въ житейскихъ погрѣшностяхъ, любятъ, и любятъ искренно. Ребенокъ—ангельская душенька, грѣхъ его не любить: не виновать, что родители его такіе-то и такіе-то. Но Антипу не любили. И дѣтство онъ провелъ неразлучно съ матерью; избѣгалъ общества отца, дѣда, дяди, вообще мужчинъ; отрочество прожилъ въ сообществѣ сестеръ и ихъ сосѣдокъ, и потому въ юности онъ зналъ больше женское дѣло, нежели мужское: онъ умѣлъ стряпать пироги, прясть пряжу, навивать кросна и т. п.; но не умѣлъ сдѣлать телѣги, сапей, сохи и всего, что нужно было умѣть сдѣлать порядочному крестьянину. Всему этому пришлось ему учиться въ мужествѣ съ большимъ трудомъ и выслушивать безчисленное множество насмѣшекъ, остротъ, брани родныхъ и сосѣдей за свою неопытность въ мужскомъ дѣлѣ. Онъ былъ набоженъ, ничего хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, не курилъ табаку. По семейству его считали выгоднымъ женихомъ и дали бы за него любую дѣвушку; а родители его женили на нелюбимой. Онъ сначала энергично протестовалъ, говорилъ, что лучше пойдетъ въ солдаты, въ монастырь, куда угодно, только не женится на ней: она воровскаго рода; но отецъ уже посваталъ, будучи подъ хмѣлкомъ, не хотѣлъ оказаться обманщикомъ передъ родителями невѣсты и вынудилъ варварскими мѣрами согласіе на бракъ съ нелюбимой. Антипа помирился со своимъ положеніемъ и живетъ мирно, никого не обижая; если его кто-

нибудь обидить въ семействѣ, поропщеть про себя и только. Съ сосѣдями онъ не ссорится; на праздникахъ отъ пьяныхъ отходить; если же какой-нибудь пахаль наскочить на него, онъ покажетъ ему свой внушительный кулакъ, и наскочившій на него кланяется ему: всѣмъ извѣстна въ околodкѣ его могучая тѣлесная сила, унаслѣдованная имъ отъ дѣда. Въ зимнее время Антипа занимается вырубкою бревенъ и дровъ; на работу уходитъ обыкновенно рано, чаще всего одинъ. Случается, что стоитъ онъ надъ срубленнымъ деревомъ въ глубокой думѣ, но о чемъ онъ думаетъ въ это время—одному Богу извѣстно. Спросить у отца или дѣда, что ему дѣлать, и дѣлаетъ свое дѣло до конца не спѣша. Но въ семейныхъ совѣтахъ не участвуетъ. Такъ и нынѣ, когда родственники собрались размыкать общее горе, его нѣтъ. Какое дѣло ему до всѣхъ ихъ хлопотъ, заботъ и печалей? Они его не зовутъ, въ голосъ его не нуждаются, а ему что же? Прахъ ихъ возьми со всѣми деньгами...

— Эхъ, старикъ, разсуеть деньги по всѣмъ угламъ, да только грѣхъ одинъ... И другихъ-то въ грѣхъ вводить. И вправду сказать: „у вора одинъ грѣхъ; а у кого украдутъ, у того семь грѣховъ“. Сдѣлалъ бы ты большой сундукъ: Григорій оковалъ бы его желѣзомъ; прибили бы его въ амбарѣ къ полу, никто бы не унесъ... Всякій бы въ семьѣ зналъ, что тутъ деньги, и наблюдалъ бы, говорила тетка Катерина.

— Умна, триста тебѣ калачей въ ротъ, нечего сказать! Положи въ одно мѣсто, всѣ вдругъ пропадутъ; а въ разныя мѣста положить—все гдѣ-нибудь останется... въ одномъ унесутъ—въ другомъ останется, возразилъ дѣдушка.

— Такъ-то такъ... да у тебя все таскали да таскали изъ разныхъ-то мѣстъ, да ничего тебѣ и не оставили... Вотъ что вышло... А положилъ бы въ сундукъ—цѣлы были бы, внушала Катерина.

— Послѣ свадьбы—всякій тысяцкій, отвѣчалъ дѣдушка поговоркой и далъ понять дочери, что рѣчь въ этомъ тонѣ ему не нравится.

Больше всего боялся онъ того, что ему, пожалуй, скажутъ: „Конишь, конишь, да черта и кушишь.“ Боялся онъ услышать эту поговорку потому, что его считали скунымъ, хотя не совсѣмъ справедливо: дѣдушка не жалѣлъ денегъ на полезное дѣло; въ тѣхъ случаяхъ, когда польза дѣла для не-

го была сомнительна, онъ точно былъ тверденекъ, и хотя бы требовался только грошъ, старикъ не скоро соглашался достать его изъ кармана.

— Ну, твердымъ голосомъ произнесъ дѣдушка: полно горевать. Тоской дѣлу не поможешь. Надо приниматься за работу. Люди остаются съ однимъ крестомъ, да живутъ; а у насъ еще, слава Богу, есть съ чѣмъ жить. А кто унесъ, пускай богатѣеть, триста ему калачей въ ротъ: плохо, если деньги уйдутъ изъ нашей семьи.

Дѣдушка приказалъ мнѣ взять ключи и идти вслѣдъ за нимъ въ другой амбаръ.

— Скинь сапога и заходи въ сусѣкъ... рой зерно! Помнится, я сюда клалъ что-то.

Я живо принялся за дѣло, полагая: не тотъ ли самый бумажникъ, который ищутъ, положилъ сюда дѣдушка и забылъ, а потомъ вспомнилъ? Но я ошибался; нашелъ другой, небольшой, бумажникъ, и, выбравшись изъ сусѣка, подалъ его дѣдушкѣ, а онъ предложилъ мнѣ пересчитать деньги. Я исполнилъ приказаніе въ точности: насчиталъ сто бумажекъ, каждая по три рубля; всего было, слѣдовательно, триста рублей. Затѣмъ онъ пригласилъ меня слѣдовать за собой въ порожній, довольно просторный сусѣкъ, гдѣ мы вынули три половыхъ доски; подъ поломъ я увидалъ небольшую яму, на днѣ которой лежала бѣлая каменная плита въ поларшина длиною. Она оказалась не такъ тяжела, какъ я думалъ, и мы безъ труда ее подняли. Подъ ней лежала кожаная кнса, наполненная серебряными деньгами.

— Развяжи-ка, погляди: есть ли наверху рубли съ насѣчками?

— Есть, отвѣчалъ я, и въ доказательство вынулъ изъ кнсы нѣсколько серебряныхъ монетъ, на которыхъ были сдѣланы топоромъ крупныя насѣчки.

— Для чего, дѣдушка, эти насѣчки?

— Хм... али не знаешь? Это для того, чтобы я могъ судить: взято денегъ, али нѣтъ? Кто будетъ брать, такъ въ торопяхъ возьметъ сверху... съ насѣчками-то и возьметъ...

— Хитерь ты, дѣдушка, сказалъ я.

— Будешь хитерь, какъ поживешь съ мое.

— Тутъ, дѣдушка, все серебро?

— Серебро.

— Гдѣ же ты столько денегъ взялъ?

— Глупый, какъ гдѣ? Нажилъ. Все по рублику откладывалъ, вотъ и набралось.

— А много тутъ рублей-то.

— Счетомъ не помню... вѣсомъ больше пуда.

— Больше пуда! серебряныхъ денегъ больше пуда! удивился я: ты, дѣдушка, всѣхъ богаче.

— Не диво и богатымъ быть: поработалъ на своемъ вѣску. Вотъ положи я всѣ деньги въ одинъ сундукъ, какъ совѣтуютъ мнѣ, — такъ добрался бы до нихъ всею и утянулъ бы .. ни съ чѣмъ бы и оставилъ... Али случился пожаръ, все пропало бы .. Вотъ такъ лучше: тамъ унесли, такъ здѣсь осталось. Скажи отцу, что видѣлъ у меня деньги... пускай не горюетъ... Съ горя-то худо можетъ случиться... Заѣскуетъ человекъ — лукавый-то силенъ — до грѣха и дойдетъ дѣло-то. Только не сказывай, гдѣ лежатъ деньги, особенно Прохору.. да сосѣдямъ не болтай..

— Никому не скажу, дѣдушка.

— Есть у меня еще мѣли пятьсотъ пятаковъ... Тѣ пускай Богу. Когда хожу въ церковь или часовню, пятаки кладу на свѣчку.

— Да, сказалъ я: Бога забывать не надо.

— Кто забудетъ Бога, того самого Богъ забудетъ, заключилъ дѣдушка.

VIII.

„Это дѣло Антипы: надо его испытать порядкомъ... Можетъ быть, онъ отброситъ деньги“, думали мы съ Аоанасемъ, ожидая старшаго брата. Онъ долженъ былъ прійти къ намъ, въ лѣсъ, рубить дрова. Въ ожиданіи его мы около часа просидѣли на кострѣ, не принимаясь за работу. Мы находились на окраинѣ болота въ довольно рѣдкомъ сосновомъ лѣсу. Налѣво возвышались крутыя горы, покрытыя густой растительностью; направо лежала лядина, а впереди небольшая поляна. Черезъ послѣднюю пролегала дорога, отъ которой мы только-что проложили слѣдъ въ глубокомъ снѣгу: нѣсколько дней уже не бывали здѣсь, прежняя тропинка была замечена вьюгой. Я особенно внимательно глядѣлъ на поляну, откуда долженъ былъ появиться братъ Антипа, — если только онъ не вздумалъ отправиться на другую работу, что естественно было ожидать: какъ извѣстно, онъ любилъ быть

на работѣ одинъ— мы мѣшали бы ему задумываться о чемъ-то по цѣлымъ часамъ...

Вдругъ я увидалъ высокую фигуру Антипы, его сѣрый армякъ, подпоясанный холщевымъ кушакомъ, за который сзади засунуть былъ топоръ; видѣлъ его шапку съ заячьей опушкой... Руки брата были положены за спину на топорнице такъ, какъ обыкновенно кладутъ нѣкоторые дровосѣки, идя на работу или возвращаясь съ ней. Фигура его медленно и мѣрно покачивалась: казалось, онъ старался ступать въ наши слѣды, боясь оступиться и завязнуть въ глубокомъ снѣгу. Я очень обрадовался его появленію и тихо говорилъ Аоанасью:

— Гляди, гляди, Антипа идетъ.

— Гдѣ?

— Вона, вона... подходитъ къ большой ели.

Я замѣтилъ, что фигура Антипы, послѣ того, какъ я указалъ на нее брату, быстро зашагала по направленію къ большой ели, стоящей на самой окраинѣ болота, возлѣ поляны; будто Антипа услышалъ мое замѣчаніе, хотя разстояніе между нами было весьма почтительное для того, чтобы слышать чуть не шепотомъ произнесенное слово. Аоанасій едва только могъ замѣтить, какъ Антипа шмыгнулъ подъ ель, когда я указалъ на него.

Отъ большой ели слѣдъ, проложенный нами, круто поворачивалъ и велъ къ костру, на которомъ мы сидѣли; до послѣдняго было не болѣе тридцати сажень. Мы ждали. Антипа не явился. Мы пошли навстрѣчу, чтобы узнать: не свернулъ ли онъ въ сторону... Если бы продолжалъ путь по слѣду, нами проложенному, долженъ бы былъ прійти къ намъ. О ужасъ! Отъ ели никуда никакого слѣда не было, кромѣ того, на которомъ мы стояли, который сами проложили. Лица наши поблѣднѣли, по тѣлу пробѣжали мурашки... Нѣсколько мгновеній простояли мы въ оцѣпненіи, взглянули другъ на друга и молча направились къ дорогѣ. Я первый прервалъ тяжелое молчаніе, когда мы вышли въ поле и увидѣли деревню.

— Намъ показалось привидѣніе, сказалъ я брату.

— Да, отвѣтилъ онъ: только къ добру или къ худу?

— Не знаю... Это лукавый надъ нами подшутилъ... Мы все думали о деньгахъ, и, когда пошли на работу, забыли перекреститься и сказать: „благослови, Господи!“ Вотъ оно и вышло не ладно: безъ Божьяго благословенія не ходи.

— Тяжкій грѣхъ, произнесъ братъ голосомъ, въ которомъ отозвалась лютая скорбь.

Дома насъ совѣтъ не ожидали и удивились, что мы вернулись изъ лѣсу такъ рано: было около двухъ часовъ по полудни. Мы рассказали о привидѣніи. Все семейство съ ужасомъ выслушало наше сообщеніе. Дѣдушка посовѣтоваль не ходить въ лѣсъ въ тотъ день, а заняться чѣмъ-нибудь дома. Аоанасій принялся чинить сбрую, я—сапоги. Антипа же былъ въ лѣсу, но въ совершенно противоположной сторонѣ, не тамъ, гдѣ были мы, какъ это выяснилось послѣ.

Вечеромъ опять вся семья съ близкими родственниками собралась думать горькую думу объ исчезновеніи денегъ. Всѣ члены семьи были заподозрѣны въ похищеніи ихъ, не исключая и дѣдушки; только подозрѣніе не касалось меня и моего отца: насъ считали «неспособными» на такое дѣло.

Рѣшено было обратиться къ содѣйствію колдуновъ, знахарей и знахарокъ. Мнѣ поручили сходить къ Емелиной, бѣдной женщинѣ, слывшей за опытную колдунью и проживавшей въ деревнѣ, верстахъ въ семи отъ нашей деревни; а отцу моему съѣздить къ знахаркѣ, славившейся по всему уѣзду искусствомъ отыскивать воровъ, «показывать ихъ въ зеркалѣ». Знаменитая знахарка жила за семьдесятъ верстъ. Я первый долженъ былъ выполнить возложенное на меня порученіе. На другой же день я отправился къ колдунѣ, захвативъ съ собой коровай хлѣба и два большихъ пирога.

Она жила на самомъ краю деревни, въ маленькой погнувшейся хатѣ. Я былъ пораженъ бѣдностью обстановки. Неротесанныя стѣны и потолокъ были покрыты толстымъ слоемъ сажи: печь трубы не имѣла, и во время топки дымъ наполнял хату; два крохотныхъ оконца съ весьма непрозрачными кусками стеколь мало давали свѣту, и я, войдя въ хату, долго озирался кругомъ, отыскивая икону, чтобы по обычаю помолиться при входѣ, наконецъ увидѣлъ въ углу черную доску, но лика святаго на ней не усмотрѣлъ: онъ былъ неясенъ и тоже покрытъ сажею. У стола съ расколотой доской сидѣла женщина въ грязномъ рубищѣ. Это была Емелина. Двое дѣтей ея при входѣ моемъ пугливо прижались въ уголь.

Я поклонился хозяйкѣ и сѣлъ на узкую лавку къ противоположному концу стола...

— Откуда, родной? спросила хозяйка.

— Изъ Труднякава, тетушка.

— Изъ Труднякава?! удивленно переспросила она.

Трудняковцы рѣдко посѣщали ее: только одно безвыходное положеніе, подобное тому, въ какомъ находилось наше семейство, заставляло ихъ вспоминать о Емелиной.

— А чьей семьи?

— Старостиныхъ.

Отвѣтъ окончательно озадачилъ хозяйку. Она, разинувъ ротъ, глядѣла на меня, недоумѣвая: что заставило меня прійти къ ней. Я развязалъ мѣшекъ, вынулъ изъ него хлѣбъ съ пирогами и подалъ ихъ хозяйкѣ, сказавъ, что это послано ей гостинцемъ. Глаза бѣдной женщины заблестали восторгомъ: давно она не ѣдала хлѣба изъ чистой ржаной муки; хлѣбъ, которымъ она питалась, пекся изъ муки съ примѣсью отрубей и мякины. Она отыскала на полкѣ обломокъ косы, замѣнявшей ножъ, осторожно отрѣзала кусочекъ, разломла его пополамъ и подала дѣтямъ. Я долго любовался ихъ аппетитомъ.

— Спасибо, родной, за гостинецъ, поклонясь, сказала хозяйка. А ты зачѣмъ пришель-то?

— Деньги у насъ украли... Поворожи, тетушка, чтобы вору покоя не было, чтобы онъ ихъ откинулъ.

— Деньги украли? кто же укралъ?

— Не знаемъ... потому-то я и пришель къ тебѣ, чтобы поворожила.

— Да я ворожить-то, родной, не умѣю... Я вѣдь не знаюсь ни съ домовымъ, ни съ водянымъ, ни съ лѣшимъ: грѣхъ знаться съ нечистой силой—я вѣдь только на бобахъ гадаю да на картахъ.

— Ну, такъ погадай на бобахъ да на картахъ.

— На бобахъ погадаю, а ворожить, родной, не умѣю. Да расскажи-ка, гдѣ деньги-то были? и давно ли ихъ украли?

Я обо всемъ рассказалъ подробно.

— Эка бѣда! воскликнула хозяйка, выслушавъ меня: погадаемъ, дѣлать нечего... Авось Богъ и поможетъ.

Она достала съ полки грязный узелокъ, развязала его, высыпала на столъ бобы и начала ихъ раскладывать на кучки. Долго она разводила и сводила пары и тройки бобовъ, задумывалась надъ ними по нѣскольку минутъ, наконецъ объявила, что деньги не ушли изъ нашего дома... Семейный грѣхъ у насъ случился.

— А найдутся деньги? спросилъ я.

— Какже, какже, родной, найдутся... Непремѣнно найдутся.. У меня есть одна примѣта: воръ не вытерпитъ... У него сердце будетъ «шаять» и онъ деньги откинетъ... Ужь это такъ...

— А скоро найдутся деньги?

— Скоро, скоро... Коли завтра не откинуть ихъ, дня черезъ три приходи ко мнѣ... Я сдѣлаю штуку... Воръ не вытерпитъ... Его корчить будетъ... Самъ покается...

— Спасибо, тетюшка... Ты только помоги намъ разыскать деньги, мы тебѣ заплатимъ за хлопоты.

— А ты скажи, родной, дома,¹ что такъ я говорила: коли воръ не сткнетъ денегъ, его будетъ корчить, понимаешь, этакъ корчить будетъ: ротъ перекоситъ, глаза вонъ полѣзуть... Такъ и скажи.

Въ моей душѣ мелькнулъ лучъ надежды. Возвращаясь въ Трудняково, я все воображалъ, какъ вора корчить будетъ.

— Ну, что сказала колдунья? спросилъ меня дѣдушка.

— Откинуть деньги, отвѣчалъ я.. «А если, говорить, не откинуть, вора станеть корчить: ротъ перекоситъ, глаза на лобъ полѣзуть».

— Такъ и слѣдуетъ, подтвердилъ дѣдушка.

Онъ самъ не повѣрилъ тому, что вора корчить будетъ; но, какъ человѣкъ опытный, смекнулъ, что угроза знахарки произведетъ на укравшаго надлежащее дѣйствіе.

И онъ не ошибся.

На слѣдующій день около полудня братъ Аѳанасій торопливо вѣжалъ въ избу и объявилъ, что деньги нашлись; затѣмъ вынулъ изъ пазухи толстый бумажникъ и подалъ его дѣду. Лица всѣхъ присутствовавшихъ просіяли.

— Да гдѣ же ты ихъ нашель? спросилъ дядя Прохоръ.

— Въ клѣти, въ корзинѣ съ обрѣзками овчинъ и кожи. .

— Да какъ же ты вздумалъ искать-то ихъ тамъ?

— А вотъ какъ. Былъ я въ конюшнѣ—Космачу (лучшая и любимая лошадь) овса носилъ-и подумалъ: не засунулъ ли дѣдушка денегъ-то гдѣ-нибудь въ клѣти, въ разномъ хламѣ? А Космачъ сочхалъ. «Будь здоровъ», отвѣтилъ я. Вѣрно такъ, рѣшилъ я: деньги въ клѣти, потому что Космачъ «сочхалъ», значить, не велитъ тужить... Бѣгу въ клѣть, шарю тамъ... заглянулъ въ корзину, а деньги тутъ...

— Что-то, братъ, мудрено. змѣтилъ отецъ. Ужь не ты ли ихъ стянулъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... ей—Богу, нѣтъ... Проклять буду, если я, оправдывался Аѳанасій.

— Видно, самъ старикъ засунулъ и забылъ ихъ, говорилъ дядя Прохоръ.

Они съ отцомъ разложили бумажки по столу и начали считать. Оказалось, что деньги не всѣ: цѣлой половины не доставало—не было сторублевыхъ билетовъ. Это обстоятельство подтвердило мысль, что деньги дѣйствительно были украдены и откинута въ корзину воровъ, а не дѣдомъ засунуты туда. Но семья наша была довольна и тѣмъ, что ей возвратили.

А вора мы такъ и не отыскали.

Одинъ Аѳанасій зналъ его. Онъ сочинилъ басню о Космачѣ. На самомъ же дѣдѣ случилось такъ. Антипа спросилъ брата Аѳанасья: «искали ли деньги въ клѣти, въ дѣдовой корзинѣ съ разнымъ хламомъ? Можетъ быть, туда ихъ старикъ засунулъ?»

И братъ Аѳанасій нашелъ ихъ въ той самой корзинѣ.

Вотъ чѣмъ разрѣшился семейный грѣхъ на этотъ разъ.
